

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/2942591>

Хозяйка Хогвартса

Направленность: Джен

Автор: [aavdee](https://ficbook.net/authors/783836) (<https://ficbook.net/authors/783836>)

Соавторы: [Leka-splushka](https://ficbook.net/authors/779427) (<https://ficbook.net/authors/779427>)

Беты (редакторы): Гехейм (<https://ficbook.net/authors/567721>)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер»

Рейтинг: R

Жанры: Юмор

Предупреждения: **Смерть основного персонажа**

Размер: Миди, 54 страницы

Кол-во частей: 10

Статус: закончен

Описание:

Один рыжий ирландец как-то в лесу повстречал ведьму. И они... поругались.
А школа? Школа как-то сама образовалась.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Сиквел. Времена Гарри Поттера. "Русские не сдаются" <http://ficbook.net/readfic/2718329>

Вбоквел. Сборник стебных драблов. "Совладетели"

http://ficbook.net/readfic/2784551/7796080#part_content

Барабанная дробь!

Внимание-внимание!

Leka-splushka вступила в группу

ICREATIVE ❁ COMMUNITY

и Марина Стрельникова нам сделала обложку-баннер

Смотреть и наслаждаться:

<http://showpic.ru/upload/040715/5597dfd7f239d.jpg>

адрес группы (не больше одного баннера в одни руки ;))

<https://vk.com/walkingdisasterfanfiction>

Аудиофанфик: <https://soundcloud.com/leka-21/8ii76wbivaak>

ТОС

ТОС	2
Здравствуй, Годрик!	3
Примечание к части	6
Здравствуй, Ровена!	7
Примечание к части	10
Здравствуй, Салазар!	11
Примечание к части	14
Хельга, не ругайся!	15
Пополнение	22
Суд да дело	26
Примечание к части	33
Внезапности	34
Примечание к части	40
Длинножоп и шляпа	41
Примечание к части	48
Големы и упыри	49
Примечание к части	55
Эпилог	57

Здравствуй, Годрик!

Керны роптали. В лесу было холодно, хобби пожрали весь овес, а с травы их немилосердно пучило. Годрик завернулся в плащ: «Где эти бездельники? Сколько нужно времени, чтобы три ирландца собрали хворост?!»

Словно в ответ, из леса донеслись взрывы и вопли.

Оставив мысли о похлебке и отдыхе, все похватили оружие и помчались на выручку, старательно не обгоняя своего кланового вождя-разбойника Гриффиндора, лихо перемахивающего через выворотни при помощи магических штучек. Раз взрывается, значит впереди тоже колдун. И не из слабых. Кому с ним сражаться, как не bravому воину-магу?

Нет, в отряде почти все умели запалить костерок или заговорить больной зуб, но в боях предпочитали полагаться на честную секиру или добрый дротик. И только Годрик мог сражаться и так, и эдак. Ну, на то он и вождь — любимец богов.

Поляна представляла собой жалкое зрелище: щепки, грязь, прогнившая проплешина на месте терновника. Дым стыдливо укрывал творящееся безумие.

— Калваг, Бран, Киф! Отзовитесь! — проревел Годрик, выламываясь на поляну и ставя щит. Его воины тихой ногой рассредоточились по кругу. С колдунами им тоже приходилось воевать. В том числе, брать на ножи, пока вождь занят с другим противником или получил по рыжей голове вражеской дубиной.

— Кончился Калваг, — отозвался Бран из овражка.

Годрик нахмурился, выискивая врага.

— Ведьма тут! И препротивная! Ни ноготь ее не берет, ни жабий камень, — продолжил Бран, прерывая речь странными всхлипами.

Слева грязно выругался невидимый среди рыжеющей листвы Гай. Гриффиндор прибавил свой загиб. Не хватало еще на каргу наткнуться. Или ши повстречать, слаавную соседку. Уж такую расславную, что потом только косточки от отряда посеять на речном бережку. Вырастет тростник, станет дудочкой... Подумал, и добавил еще. Учишь-учишь дураков, а они все туда же. Какой, к духам, жабий камень? Тупая деревенщина! Нашел, чем с ведьмами бороться!

— Я тебе эту жабу в брюхо засуну! — раздался зычный женский голос.

— Сдавайся, ведьма!

— Воин, конь хвостатый,
ворог ярый женщин,
вышел к шумным листьям.

А под ним все керны
в обличье кобылицы.
свидели воистину

вои таковое.

Разъяренный нидом Годрик ударил режущим проклятьем на голос. Но в ответ раздался мужской крик. Промаяхнулся. Невидимая женщина расхохоталась.

— Тварь! Помесь тролля и слизня! Что тебе нужно от моих кернов?!

— Мнеее? — издевательски протянул все тот же голос. — Я-то решила, это твои керны по ласке заскучили. И приласкала, как смогла. Не понравилось? У меня еще есть! Всем тепла хватит!

В тот же миг раздался вопль Кифа, который попытался подползти к языкастой бабе со спины и жахнуть по голове. Проверено — против самых сильномогучих магов срабатывает. На парне вспыхнула рубаха. Проклиная все на свете, Годрик кинулся на крик. Может, баба подумает, что он устремился на помощь, тут-то он ее и придавит. Ему бы хоть ее тень увидеть, хоть примерно догадаться — где она есть? Впрочем, дело недолгое. Как бы ни было, а численный перевес у них. Во всяком случае — пока.

Земля вспучилась, вскипела, хлестнула выметнувшейся из-под перегноя лозой.

Уууу! И как только этих недоумков угораздило найти такую сильную ведьму?! Да она, если и не сильнее Годрика, так точно — не уступает.

Вот только Гай и Айомхар стоят ровно там, где надо. Пусть по силе они слабые колдунишки, но Годрик заметил давно — если ударить в правильной последовательности и с нужной позиции — совсем другое колдовство получится. А уж если парой рун усилить или руку особым образом довернуть во время пасса... Но это умение он никому еще не передавал — не хватало, чтобы его самого поймали на его же собственный прием!

Ведьма почуяла неладное.

— Эй! Керн! Погоди! Давай замирился?

— На тебе кровь!

— Я свое защищала!

— Мне что с того?

— Вира?

Годрик задумался.

С одной стороны — какая вира с бабы? Да еще все равно — все, что у нее при себе, считай его.

А с другой стороны, вроде, она и в своем праве была. Честь защищала. Чего было ждать от трех кернов посреди темнеющего леса?

Но главное — что и помогло принять решение — без новой крови ее не взять. Двух-трех кернов успеет покалечить. А то и до смерти убить.

— Вира! Выходи! — прокричал он в сторону подозрительной низинки.

Вовсе с другой стороны вышла женщина.

Высокая, статная, красивая.

Светловолосая валькирия с синими глазами. Во вдовьей накидке. Одежды дорогие, украшена золотом, чеканные браслеты, обруч на лбу — надо теперь не продешевить с вирой. Интересно, кто у нее отец?

Через плечо была перекинута шаль, в которой спал малыш.

— Годрик Гриффиндор, клановый вождь-разбойник. А ты из какого рода?

— Хельга Хаффлпафф, дочь скальда Торстейна, если слышал.

В кустах заперхали на разные голоса. Хульный нид слышали все и теперь не знали, каким богам молиться, чтобы не сработало его волшебство. Опять только на вождя вся надежда. А вождь и сам покраснел и выпучил глаза от перехватившей дух новости.

— Ну вот тебе вира — снимай свой нид.

Красавица усмехнулась и повела плечами.

— Сняла. Но смотри мне — вздумаете баловать, так извернусь, во сне явлюсь и прокляну обратно.

Керны не раз слышали о скальдах, обладающих даром явления во сне, чтобы сложить возлюбленной вису. Неудачливых собирателей хвороста были готовы добить из милосердия. Из-за них ни похлебки, ни спокойной жизни, псы войны, охочие до вязки.

— Дорога была дальней, мужчины устали и изголодались. Позволь предложить тебе защиту и... — тут Годрик хотел было упомянуть тепло костра, но вовремя вспомнил, что хворост как был, так и остался несобран.

Хельга покачала головой.

— На соседней полянке у меня шалаш и похлебка.

Годрик шумно сглотнул. Знатного повара зашибло в прошлой битве, так что жрали они последнее время такое, на что не каждая свинья позарится. Женщина хмыкнула.

— В шалаш не зову, а похлебкой могу поделиться — на несколько дней готовила.

— Что же загнало тебя в темный лес, прекрасная Хельга, чей лик... э... м... у...

— Муж мой отменно складывал висы, знатный был скальд. Так что, прошу тебя, не бреди старых ран.

— Ну и отлично, — с облегчением вздохнул Годрик, вспоминая свою сестру — Розиту. Вот уж капризная девка! То за столом не те повадки, то разговаривает с ней претендент не изящно, то вису красивую не посвящает. А готовит, к слову, как Гай. Даже хуже. Посвататься, что ли, к Хельге? А что? Если у нее похлебка недурна, так можно и посвататься...

А похлебка-то была недурна!

Шалаш, кстати, тоже, только назывался шалашом, а так — в нем и зазимовать не страшно. Да и места на всех хватило бы. Даже если это действительно был шалаш, расширение пространства еще никто не отменял. Но создала Хельга целый дом-в-холме. Просто вредничает баба. Ну да и ладно. Ну и не надо. Годрику-то как раз тут и не зимовать. Ждет лощина, ждет несносная сестрица (скорее сбегать бы ее с рук подходящему жениху). Спросят — не нужно ли помощи? — и в путь.

Мужчины на скорую руку трансфигурировали себе жилище и заснули крепким сном, чтобы с утра проснуться от новых взрывов и воплей.

Примечание к части

Керн - ирландский воин-наемник. Часто безземельный аристократ.

Хобби - небольшая горная лошадка, пони.

Бран - ирландское имя, означает "ворон"

Калваг - имя, "лысый"

Киф - имя, "миловидный, красивый, возлюбленный"

Хульный нид - рифмованное оскорбление, "темное", завуалированное" полное иносказаний и вторых-третьих смыслов. Считалось проклятием. В христианских городах за хульный нид приговаривали к смерти, как за враждебную ворожбу.

Здравствуй, Ровена!

Утром, не успело еще в лесу посветлеть, хоть солнце уже показалось над горизонтом, раздались суматошные хлопки, женский плач, причитания, выкрики, что-то полыхнуло и взорвалось, зашипели угли костра и заругался Гай, оставленный сторожить лагерь.

На громкий голос дозорного выскакивали кто в чем спал, но с оружием в руках. Появилась из «шалаша» и Хельга, тоже готовая к битве.

Мужчины же нападать не спешили — среди новоприбывших полно было баб. Не хватало опять напороться на ведьму. Да еще если тоже с папашей-скальдом, славным на многие страны. А если вдруг — это и вовсе — гостья к Хаффлпафф? А следом сам Торстейн пожалует?!

Бабы тоже были красивые, только на другой манер. А одеты — так даже богаче. Обручи изукрашены камнями. Накидки из шелка, волосы укрывают ленты, расшитые золотом.

Так и застыли все, недоверчиво поглядывая друг на друга, когда у Хельги заплакал ребенок, а следом заголосил младенец и на руках самой богато одетой дамы. Боевое настроение пропало. Гай раздул угли, но готовить не торопился, в тайной надежде, что при наличии стольких баб удастся опять вкусно пожрать.

Успокоив детей, принялись знакомиться.

Оказалось, их почтила визитом (вот прямо так и сказали) владетельница местных земель — леди Ровена Рейвенкло с дочерью и свитой. Причина визита была печальна. Владетельница оказалась уже как бы и не совсем владетельницей, да еще и вдовой с минувшего часа. Сосед, как это часто бывает, захватил замок, убил хозяина и теперь считает владетелем земель себя. А для полного своего удовлетворения мечтает жениться на вдове. Либо убить всех наследников — ему не принципиально.

Женщина успела аппарировать, прихватив с собой лишь дочь Елену, духовника и малое количество дам и прислуги.

Она сидела на пеньке, судорожно стискивая какую-то книгу. Леди Ровена была умной, начитанной ведьмой, но совершенно не приспособленной к жизни. Как раз в силу своей начитанности. Она знала все созвездия на небе, но понятия не имела, откуда берется еда в замковой кухне. А уж вне стен замка и подавно не смогла бы выжить, не аппарировав так удачно.

К ее услугам оказались два рода, единственно способных помочь — врачевательница Хаффлпафф, уже собиравшая травы для исцеления, и воины Гриффиндор. По счастливому стечению обстоятельств — наемники, не связанные контрактом.

«А ведь это довольно занятно», — подумала Рейвенкло. — «Можно ли научно, с помощью зелий, алхимии либо чар повторить такое удачное стечение обстоятельств?»

Женщина углубилась в расчеты, не замечая, как няни успокаивают Елену, Хельга

осматривает пострадавших (под шумок прибились лечиться и Годриковы керны).

Воины, способные держать оружие, спорили в сторонке. Замок лорда Рейвенкло они видели — богатый и большой. Соседа знали — жадный и наверняка нанял воинов только-только справиться с невеликой охраной. Ослабленный битвой, лорд Уизли не удержит замок, если не дать ему время укрепиться. Он, конечно, тоже маг, но с ними же леди Ровена и боевая баба — Хельга.

Годрик плевался. Толкать Хаффлпафф в битву деревянной дубинкой, по кельтскому обычаю, ему не хотелось. Чего скрывать, он надеялся, что Торстейн не откажет выдать свою дочку за него. Да и... с такой женщиной никогда не скажешь точно — кто этой самой дубинкой огребет. Кажется, это любовь!

Дамы, к радости гриффиндорцев, наготовили много вкусной еды. Духовник под локоток подвел к общему котлу леди Ровену.

— Но... — растерянно оглянулась вокруг благородная дама. — Разве нельзя подождать, когда мы вернемся домой?

— Леди, — тихо проговорил старичок-священник, — наш дом, промыслом Божьим, теперь здесь, среди этих добрых людей.

— Это же ирландские керны! Разве мы не можем нанять их, чтобы они отвоевали обратно замок? Там остались мои книги и записи! Лорд Уизли в силу физиологических причин не сможет понять, что там написано.

— Он слеп? — с любопытством спросила Хельга.

— Он глуп! — всплеснула руками леди Ровена.

В цене сошлись. А за благосклонный взгляд синих глаз Годрик даже позволил себе не слишком ошипывать благородную курочку.

В замок леди создала портал и осталась на поляне что-то вычерчивать прутиком.

Среди дам оказалось несколько толковых ведьм, которые вместе с Хельгой присоединились к кернам.

Все было даже проще, чем ожидалось — лорд Уизли часть воинов разослал по окрестностям в поисках леди Рейвенкло, а сам, вместо того, чтобы возводить щиты или ликвидировать возможность магического перемещения внутрь замка, вместе с сыновьями развлекался с не успевшими сбежать служаночками. Гриффиндорцы дольше прочесывали замок на предмет заблудившихся захватчиков, чем сражались.

Да еще и лестницы после смерти владельца замка сбесились и приводили к одному и тому же коридору по пять раз. А в некоторых местах можно было долго спускаться и обнаружить, что поднялся на самый верхний этаж.

Гриффиндор не стал повторять ошибки захватчиков и блудные поползновения кернов пресек на корню, бранно пообещав, если что, этот самый корень оторвать.

Дам он послал за владетельницей, Хельгу попросил посмотреть — что там со щитами замка?

А сам с кланом совершил ответный визит к лорду Уизли, неплохо поживившись на его земле. К тому же угнали стадо тучных коров и наметили несколько овечьих отар — на будущее. Заняться всем и сразу не было времени — где-то по лесам бродили воины, разыскивающие леди Ровену. Их надо было перехватить. Годрик надеялся, что за этих «ловцов» семьи заплатят достойный выкуп — клан Уизли и так изрядно поредел в этот день.

На «охоту» своих людей он отправлял тройками, усилив их «боевыми дамами» леди Ровены. По крайней мере, в случае чего, дамы смогут аппарировать вместе с кернами в безопасное место. Пока они бродили по окрестностям, Гриффиндор проинспектировал защиту замка и нашел ее недостаточной. Но это же не его дело, не так ли? Это леди Ровене старый хрен в сутане запорошил мозги всякой благотворительностью и милосердием. Годрик такой ерундой не страдал. Работа наемника должна быть достойно оплачена. И никак иначе.

Хотя... Иногда думалось...

Он уже нагулялся по холодным лесам и продуваемым всеми ветрами пустошам. Пристроится бы служить к леди Ровене. Замок и так считай что его собственный — благородная женщина была слишком погружена в науку и всякие умствования, чтобы действительно заниматься хозяйством или хотя бы смотреть по сторонам.

Наконец захватчики были пленены, либо разбежались.

Это должен был быть прощальный пир в Большом зале.

Леди Ровена вынырнула из своих обычных мечтаний и мыслей о высоком и обратила свой взор на дела дня нынешнего:

— Уезжаете? Но как же так, Годрик? Вы же понимаете — если не Уизли, так Малфои или Певереллы. Мне не удержать замок без мужа...

— И что же вы предлагаете, леди?

— Хельга согласилась поселиться здесь. Быть может, и вы?.. Быть может, я могла бы что-то предложить? Соблазнить чем-то...

— Леди Ровена, кха-кха-кха! — подавился овсянкой священник.

— А что же делать? — подняла точеные бровки Рейвенкло. — От меня зависят люди, святой отец. Если разобраться, так клан Гриффиндор и вовсе мог заявить витенгамоту*, что замок их. И добиться подтверждения статуса.

Гриффиндор молча расправил усы.

Да, кто-то звал такое поведение благородством, кто-то — глупостью. Несколько им обученных кернов ушли из клана. Но правило было непреложно. Грабить? Бывало. Коров-овец угнать? Какой ирландец так не делал? Подличать, воровать? Ни за что. Лучше сдохнуть от холода и голода!

— Не потерплю блуда под этой крышей! — возопил священник. На что леди изволила разгневаться и удалила крышу над Большим залом.

Дамы опечалились из-за того, что ленты в прическах испорчены. Гриффиндорцы попытались прикрыть собой тарелки. Осень. Шотландия. Тарелки быстро заполнялись дождевой водой. Самое обидное — вино разбавлялось еще больше, чем было разбавлено до этого.

— А!!! Заррраза! — взрыкнул Годрик, ставя магический щит на место исчезнувшей крыши.
— Какого драккла?! Вы еще венчальный обряд без моего согласия проведите! Я вам девка пятнадцатилетняя, чтоб меня с рук сбывать, моего желания не спросясь?! Или побирушка приبلудный?! Чтоб мне этот замок как подачку совать?!!!

— Я же только спросила, — захлопала ресничками Ровена. — И вовсе не обязательно соблазнять постелью... Я могла бы обучить каким-то семейным боевым чарам или еще что-то, мало ли... Вы подумайте, Годрик! Хогвартс — очень славный замок. Подумайте.

Кротость леди охладила пыл ирландца, но аппетит все равно пропал.

Мужчина сплюнул на пол и ушел на замковую стену — проверить, как там Гай.

Примечание к части

Витенагемот (witenagemot, witan) — «собрание мудрых людей» - в Англии VII - XI вв. собрания наиболее влиятельных лиц страны (военная знать, духовенство и аристократия). Член витенагемота - витан.

Здравствуй, Салазар!

И все-таки Ровена была умной женщиной. Она нашла слова, чтобы уговорить Годрика остаться в замке.

Он даже сестру свою перевез к себе поближе, от всяких ловеласов — подальше. А то развесит уши на всякие висы. Ей и навешают. А потом топи байстрюка в море.

Оказавшись ответственным за охрану, Годрик схватился за голову. О чем думал старый лорд Рейвенкло?! Если первое время они протянут за счет щитов и боевого опыта ирландских кернов, то на будущее пора уже было воспитывать новых защитников замка. Готовить замковую дружину. А в идеале — и вовсе маленькую армию. Не факт, что Уизли не захотят отомстить за пролитую гриффиндорцами кровь. Даже так — они должны бы явиться мстить в самое ближайшее время, если их мужчины имеют хоть какое-то представление о чести.

Хельга несколько дней бездельничала на правах гостьи. Собственно, все дамы Ровены не занимались ничем полезным с ее точки зрения. А вышитые гобелены уже некуда было вешать. Они их столько создали, что на тысячу лет вперед хватит. Лучше бы посмотрели, что с ремонтом. Стены, крыша — все требовало пристального внимания. Да и слуги чувствовали рассеянность хозяйки и прибирались только там, где Рейвенкло чаще всего бывала. Дальние коридоры и редко посещаемые комнаты зарастали паутиной и заваливались всяким ненужным хламом, типа сломанных столов и стульев. Обычное дело, когда в замке нет толковой хозяйки.

И зачем человеку столько ума, если он все равно применительно к реальному миру не используется? Ходит, бормочет себе что-то про чары, артефакты, мозгошмыгов и морщерогих кизляков, которые ошипывают ее любимую герань. Правда никто не видел ни кизляков, ни мозгошмыгов. С другой стороны, ошипанную герань видели все.

Сама Хаффлпафф отвлеченные вещи не признавала. Была человеком, что называется, «крепко стоящим на ногах» и даже в магии предпочитала осязаемые и полезные вещи, наподобие гербологии и бытовых чар.

Заскучав, она потихоньку взялась за дело. Слуги попробовали роптать, но суровая дочь скальда быстро их приструнила.

Годрик полностью поддержал Хельгу, и леди Ровена предложила недовольным попросту сменить замок, если их в этом не устраивают начальники.

Годрик и ремонт помог начать — ветхие стены касались безопасности замка напрямую.

Пришли плотники, каменщики, застучали молотки... По мановению волшебных палочек выросли строительные леса...

Друг Гриффиндора — гоблин из клана Гринхук — обустроивал кузницу при замке.

Дама Эйдит из свиты Ровены с удовольствием вместе с Хельгой высаживала священную рощу, к конвульсивному возмущению христианского жреца.

Эти жрецы!

Сколько с ними связано пугающих детских воспоминаний!

Хельга до сих пор относилась к проповедникам с выбритой макушкой с большой жалостью. Очень уж жестоки с ними были те, кому они пришли проповедовать. Костры, в которых заживо сгорает человек — это очень страшно.

Так что в конфликтах Годрика и жреца, они с леди Ровеной выгораживали сухонького старичка, как могли.

А старичок словно нарочно искал неприятностей и жаждал битвы. До сих пор хозяйка замка колдовством практически не пользовалась, довольствуясь теоретическими вычислениями и зачарованием артефактов, в которых жрец ничего не понимал, а потому даже не замечал ворожбы. Соблюдала посты, приходила по праздникам в домовую церковь. И тут вдруг появились они. Все летает по воздуху, само по себе разговаривает, движется, лестницы взбесились (но тут уж не к ним претензии), а гриффиндорцы горазды пожрать. Причем, и в постные дни им подавай окороков и вина.

Уизли с мезтью не торопились. Жизнь в замке налаживалась. Появлялся определенный ритм рутинных событий.

— Эх! Какую мы у Малфоев беленькую коровку свели! Белоснежная! Ни единого черного пятнышка! — хвалился Годрик дозорному на воротах.

— Ай! — вдруг кричал дозорный. — Малфои! Наше стадо погнали! Лови, лови их! Белобрысые сволочи! Ни стыда, ни совести у людей!

И керны прыгали на свои подушки на спинах хобби и скакали догонять Малфоев. А вечером была грандиозная пьянка, вне зависимости от того, кто успел присвоить себе коровок.

Все получали огромное удовольствие от самого процесса.

Единственное, что смущало Гриффиндора — его неспособность сложить хорошую драпу* про события. У Малфоев свой скальд был. Складно врал, собака! А гриффиндорцы, хоть и были куда изощреннее на выдумки и подвиги, никаких похвал и почестей не получали. И Хельга складывать про них драпы отказывалась.

Счастливым случаем напившись, подравшись и подружившись с одним типом в трактире, Годрик поутру выяснил, что новый приятель — скальд. И не абы какой, средненький, как у белобрысых задавак, а сам Салазар Змеиный Язык. Ученик самого Торстейна. Он драпы складывал для ярла Норвегии и конунгов Англии. И Годрик — ничем не хуже. Салазар, по правде сказать, был занят — искал свою пропавшую возлюбленную, но пару дней, чтобы съездить в замок и написать драпу, обещал выкроить. Даже для не обученного складывать слова Гриффиндора написал вису, чтобы тот сделал сюрприз

понравившейся женщине.

Годрик был счастлив. До той самой поры, пока не выяснилось, что пропавшая возлюбленная Салазара Змеинового Языка — красавица Хельга.

Хельга и Салазар выросли вместе.

Любимая дочка Торстейна и его лучший ученик.

Умный, обходительный Салазар умел подольститься и обольстить. Он рано возмужал, был высок ростом и силен, тонок в поясе, широк в плечах и хорош собой, несмотря на несколько некрасивый нос.* Очень заносчив, честолюбив и смолоду во всем неуступчив и суров. Умел сложить вису. И всегда побеждал в битвах.

Многие девушки Городища, что на берегу Городищенского Фьорда, заглядывались на него, но полюбил он только Хельгу-красавицу. И в семнадцать лет попросил у своего учителя руки его дочери и разрешения путешествовать.

Торстейн же сказал, что не отдаст свою дочь в жены сопляку, который сам не знает, чего хочет. Собрался путешествовать, так и в путь.

На прощание Слизерин сложил красивейшую вису для Хельги и пообещал вернуться через год, богатым и прославленным скальдом.

Хельга обещала его ждать. И ждала два года, отказывая достойным мужчинам. Но получала лишь висы, привязанные к лапке чайки. Салазар к обещанному сроку не вернулся.

На третий год отец своей волей, вопреки желанию Хельги, устроил ей свадьбу с достойным скальдом.

И в самый разгар свадебного пира вернулся в Городище Слизерин Змеиный Язык.

Поругался со всеми и уехал вновь.

Вернулся еще через год и на тинге вызвал мужа Хельги на поединок. Но сразиться им не дали, потому что поединки к тому времени были уже запрещены.

Разумеется, двух мужчин, не поделивших одну женщину, это не остановило — уехали в соседнюю страну и подрались.

Слизерин был ранен в ногу, а Хаффлпафф — убит.

Опасаясь родни Хаффлпаффа, Салазар не спешил в Городище. А когда вернулся выяснил, что Хельга взяла сына и уехала, не сказав куда.

Хельга встретила гостя холодно. А вис его слушать и вовсе не стала, к огромной радости Гриффиндора.

Зато Розита глаз не сводила с нового знакомого брата.

Слизерин же побродил по замку, поскребся в двери Хельги, да и напросился в дружину леди Ровены. Скальд и воин — даже ревнивый Годрик признавал, что от таких кернов не отказываются. Да еще и мысли о брехливом скальде Малфоев...

Воинами новый обитатель замка командовать не порывался, старшинство Годрика не оспаривал, но и сложа руки не сидел: и висы складывал, и щиты магические ставил, и подданным леди Ровены целебные зелья не отказывался сварить.

За руганью и попойками, недоразумениями и помощью проходили дни и недели. Обитатели замка учились жить вместе. И готовились к нападению соседей. Рано или поздно те же Уизли догадаются, что дружина не так и велика, а щиты поставлены наспех и не закреплены пока рунами накрепко.

Примечание к части

Драпа (др.-сканд. Drápa) — основная форма написания хвалебных песен в скальдической поэзии, также высшая, торжественная форма хвалебной песни.

*да, история Гуннлауга очень похожа на историю Салазара ;) И почему бы?

Хельга, не ругайся!

Недели через две Годрик поймал себя на мысли, что они словно бы всегда жили такой шепутной ватагой, были уже созданы вместе с замком, не имея ни прошлого, ни будущего вне стен Хогвартса.

Он сам, со своими кернами и непутевой сестричкой, леди Ровена с дочкой, дамами и баронами из свиты, велеречивый Салазар, самым бессовестным образом волочащийся сразу за всеми дамами в замке (утверждая, что любит и всегда любил исключительно Хаффлпафф), грозная и надежная Хельга, выгнавшая скальда взашей, стоило ей услышать начало висы. Та же участь постигла и Годрика, который примчался, окрыленный неудачей соперника, читать с бумажки вису, сочиненную для его возлюбленной Салазаром еще в трактире (не пропадать же трудам). Что особенно несправедливо, с Салазаром Хельга нормально общалась уже к вечеру, а на Годрика дулась еще неделю — до тех самых пор, пока Слизерин не рассказал всем, что виса на самом деле его. Вот... Вот ведь Змеиный Язык! Не мог смолчать! Годрик думал, что краска стыда и вовсе никогда не сойдет с лица и шеи. Одна и отрада, что красавица сменила гнев на милость. Женщины — непонятные создания.

Все свивалось ровно и легко, как пряжа на веретенце.

Единственное, случались накладки, когда один из четырех сильнейших магов замка начинал ставить магические эксперименты. И воплощать в жизнь идеи, показавшиеся любопытными.

Остальные, слабенькие колдуны, в худшем случае выдумывали улучшения чар от простуды. Ну, вызвал шепелявый придурок быка вместо того, чтобы облегчить себе дыхание. Дело-то житейское! Хельга недоумка вылечила и от переломов, и от соплей, а быка заколол и сволок на замковую кухню умница Бран. Всё прибыльок в хозяйстве. Даже Хельга не очень ругалась за порванные гобелены. Сказала, что если не удастся заштопать, Ровеновы дамы новые соткут. Казалось, ее больше заботило, как бы остановить мастериц. Надо передать, что Киф советовал эти тряпки продавать задорого королям и безмагическим баронетам — они любят всякие волшебные штучки.

Да, выходило, что дамы, бароны и его керны увлечения находили даже прибыльные. А вот с экспериментов магов посильнее — один убыток.

Главная опасность исходила от владетельницы замка.

Плывет себе, словно на облаке, никого и ничего вокруг не замечая, вся в учености своей и расчетах, и вдруг — хоп! — учудила чудо.

А в ожидании нападения на замок леди решила сотворить голема.

И ладно бы она ставила эксперименты, предупредив охрану, запершись в какой-нибудь пустой комнатке с крепкими стенами.

Нет!

В своей обычной отрешенности от дел земных, Ровена чаровала там, где настигла ее

удачная идея.

Ну, с ее точки зрения — удачная.

— Загоняй! Загоняй! Стоим!

— Аааа!

— Ааааа!!!

— А? Какого ты не бил?

— Кто же знал, что эта сволочь по стенам и потолку прыгать умеет?!

— Нужна сеть. Сейчас трансфигурирую. — Гриффиндор огляделся по сторонам, выискивая, что можно переделать в сеть.

— Не знал, что ты так умеешь, — удивленно хмыкнул Салазар, срывая со стены исполосованный и частично подпаленный гобелен и протягивая его Годрику.

— Что тут уметь? Берешь и трансфигурируешь.

— Ну научил бы кернов, баронов, замковых слуг хоть парочку. Это же такие возможности! Это...

— Это слишком сложно для них. Не потянут. Мы уже с Хельгой обсуждали. Нужны маги. Хорошо обученные, в меру сильные маги. Хоть самому делай, вот честное слово!

— Хм... Нет. Долго это. Когда они еще вырастут? Да и передохнуть могут.

— Ну, Хельга обещала, что не передохнут.

— Э?..

— Она предложила выкупать у сервов.

— В этом есть смысл. Можно и вообще не платить...

— Ты что несешь?

— Годрик! Он тут! Скорее!

— Что за задница Кухулина?! Рейвенкло! Что это вообще за тварь?!

— Правильно говорить: «Смрадный отнок Бримира»! Ты, главное, не сожги тварюшку! Хочу понять, как эта штука сделана, а для этого ее надо вскрыть и разделать. А чтобы разделать — нужна тушка. Понял, мой друг? Тушка, а не как в прошлый раз.

— Пролый раз эта штука была из воды и какого-то дерьма! Я не виноват, что она испарилась всего-то от одной маленькой огненной плети!

— Поосторожнее маши плетями, кстати. Мне... некомфортно. Хотя ты и мастер, надо признать.

— Годрик, драть тебя с волками! Где ты там со своей сеткой! Эта дрянь лезет на крышу!
— истерично завопил Киф.

— Пошли скорее, а то над трапезной она провалится. Это снег и град не пролетает, а наступать... Лучше не наступать.

Тварь не поймали. Голем можно сказать, что удался. Жаль только, к делу его приставить никак не получалось.

По итогам охоты развалили две стены, проломили крышу, и Гай чуть было не провалился в дыру над Большим залом.

— Ровена, ну неужели нельзя быть чуточку практичнее? — едва не рычала Хельга, только-только поверившая, что ремонт внутренних помещений подошел к концу.

— Я же могу, почему бы не сделать? Знания важны ради знания! — неземной улыбкой ответила леди и величаво удалилась.

Шла воскресная месса.

Было типично Шотландское начало зимы: зеленая трава, кое-где цвели припозднившиеся цветы, шел мелкий дождь, который пах обещанием мокрого снега и непролазной грязи.

Бывало у них в Свиной долине — то снежок в середине лета, то зеленая травка в январе, а то ровно-серо-туманные периоды, затянувшиеся на день, неделю, год...

В этот раз зелено. Хорошо. Хельга рада. Успеваает с замковыми слугами сжать какие-то злаки, выкопать какие-то корни и нарезать каких-то прутьев. Странная женщина.

И часто ругается. Почему-то.

Леди Ровена с улыбкой слушала далекий вой своего голема, собранного из пластичной глины и духа воды.

Теперь она поняла принцип и новых големов ей было делать не интересно. Пусть Хаффлафф не сердится.

Но Хельге рано было расслабляться.

Салазар, повоевав с призванными духами, облеченными в текучую плоть, признал големов стоящей штукой, которая пригодится, если придется оборонять замок. Напасть не сумеют, так хоть отвлекут. Только их должно быть много, пусть и не крупных (примерно по колено волшебнику), они должны быть глуповаты, уметь угадывать потребности хозяина и хорошо размножаться в неволе. Сильны магически, но зависимы от... тут Слизерин еще не решил. Ну, пусть будет от магического фона замка. Если не получится, можно переделать в любой момент. И будут это не големы, а маленькие такие человечки... назовем «гомункулюсом».

Задав параметры, Салазар произвел расчеты и выделил нужные для создания человекоподобного существа ингредиенты. Состав получился до того странным, что на какое-то время зельевар предпочел позабыть о своих расчетах.

Это только если «по случаю» достанется нужное. Хотя... Салазару было **очень** сложно представить такой случай.

Тем не менее, когда старичок-священник обрадовался Йольской ели и с радостью и песенками помогал украсить дерево ягодами и орехами, к замку выбрались великаны — самец и самка с детенышем на руках, и попросили приюта на время непогоды, духовник запретил прогонять прочь «семейство». А Салазар, вызвавшийся в переговорщики, не постеснялся запросить у ошалевшей великанши «плату».

И вот, через сорок дней, из котла, зарытого в навозную кучу у самого леса полезло... полезли...

— Задница Кухулина! Да сколько ж вас?!

— Салазар, не ты ли говорил, что надо говорить «Зловонный чего-то там кого-то там»?

— Тогда был «зловонный». А теперь — натуральная задница Кухулина!

Лупоглазые и ушастые человечки разбегались по лесу и замку, как паразиты, вроде мышей или тараканов. Пока удалось уничтожить котел, наплодилось их достаточно.

А потом началась та самая задница. Которая Кухулина.

Человечки, как и было задумано, обладали своей магией, были глуповаты и умели предугадывать желания хозяина. А желал Салазар много кому и много чего. Хорошо хоть смерти и серьезных увечий у него желать привычки не было — если уж хотелось, то такую ерунду он воплощал не откладывая.

А вот икота для леди Ровены, почесуха Гаю и понос лично для прекрасной Хельги — за то, что не позволила натаскать навоз в замок и устроить вызревание гомункулюсов в

подвалах рядом с кухней, а еще отказывалась слушать висы, угрожая рукоприкладством. Ну не драться же с любимой женщиной!

— Ну, пожелал. Сгоряча. Не подумал. Дурак. Идиот. Но ты у любого медикуса спроси — очищение только на пользу. Все для твоей красоты. И для фигуры... Нет! Какая же ты жирная? Хельга! Хельга, положи топор!

Нет, с боевым топором Хаффлпафф пошла вовсе не на друга детства.

Так, размяться, погонять мерзких тварей по коридорам замка. Пришибить парочку, отвлечься...

Эвакуировали в Хогсмид дам и баронов, а так же строителей и слуг, и устроили веселую охоту. Даже владетельница замка ради такого случая отвлеклась от возвышенных мыслей и достала волшебную палочку.

А вот «гносного Салазара» она и разобиженный чем-то Годрик до общего веселья не допустили. Тот надулся и пошел бродить в одиночестве. Мстительно желая своим человечкам удачи, как у рыжего Локи.

Ну в самом деле! Как друзья могли его с собой не взять?! Он придумал таких тварюшек хороших, а развлекаются теперь без него?

Едва не свернув себе шею, когда лестница вдруг взбрыкнула и поменяла направление, Салазар разозлился окончательно.

И тут же нашел выход своему раздражению: своевольные лестницы — чем не противник?! Леди Ровена с ними сладить не может? Ну так он, Салазар, всех спасет!

Лестницы ехидно скалились балясинами.

Слизерин стиснул зубы.

Тварюшки почувствовали приказ-пожелание хозяина выжить и спрятались в священной роще и по подвалам замка (крышу оккупировал голем леди Ровены). Довольный охотой Годрик отправил пару отрубленных голов Брану, чтобы тот должным образом обработал трофей. Над камином повесит.

Как бы ни кривился духовник леди Рейвенкло, ирландцы всегда отрубали головы противникам. И магглам, и магам — что уж говорить, о бестолковых лопоухих созданиях, вылезших из котла? Пусть гордятся оказанной честью.

Леди же снова отрешилась от мира. Ее ничуть не смущали охотничьи трофеи

Гриффиндора.

Лестницы оказались достойным противником. В ответ на заклинания Салазара они лишь взбрыкивали, как норовистые хобби.

— Нет, я их добыю! — уперся Слизерин. Но добился лишь того, что стали исчезать ступеньки.

— Нет, это я тебя добыю! — бегал за ним по замку Годрик, пострадавший от нововведений.

— Годрик! Годрик! — кудахтала Розита, закрывая грудью первого нормального мужчину, способного складывать висы. — Не трогай Салазара!

— Нет, сэ! Не трогайте Салазара! — причитали придворные дамы, заламывая руки.

Бароны злорадно, но молчаливо поддерживали порыв Гриффиндора.

Закончилось дело сражением на поле перед замком. И проигрышем Салазара.

Важный Гриффиндор утащил приятеля пить эль и злоумышлять страшную месть коварным ступеням. А напившись, пошли и мстить. После чего несколько ступеней стали еще и зажевывать ногу неосторожного обитателя замка.

Хельга ругалась на гуляк, но исправлять ступени запретила.

Леди Ровена, кстати, огорчилась. Она тоже хотела поколдовать, попробовать решить загадку лестниц. У нее и идеи новые появились.

Но лучше не надо, а то опять Хаффлпафф рассердится.

Не хочет, как хочет. А идея была прелестна.

— Годрик задумался.

— И что?

— Это опасно. Признай.

— По моему, ты просто обижен на него. Он все-таки оказался воином получше тебя.

— Да ничего подобного! Я поддался! Понимаешь же, устал я терять друзей из-за того,

что во многом их превосхожу. Так-то, лебедь моя. Но сейчас я серьезно говорю. Годрик задумался, и ни к чему хорошему эта задумчивость привести не может. Нет его обычного: «М! Как интересно! А что будет, если смешать вот то и вот э... Ложись!»

Хельга засмеялась. Да, из их компании только Годрик устраивал эксперименты, даже приблизительно не представляя себе, каков будет результат.

— Вот-вот. А тут он молчит, под нос себе что-то бормочет. И — страшное дело — мне показалось, что я видел у него *расчеты!*

— Быть может, он просил леди Ровену помочь?

— Нет, я бы зна... кхм... кхм... кхм. Ну, ты же знаешь, люблю-то я только тебя...

— Оставь это! Мы про любовь уже поговорили. Любишь ты две вещи. Себя и странствия. Я не обольщаюсь. Пройдет год — или десять лет — и ты сядешь на корабль и отправишься к другим берегам, в другие страны. Так уже было. И не удержала тебя ни моя молодость, ни моя красота, ни моя любовь.

— Ну, Хельга, не ругайся!

Пополнение

Трансфигурация — очень полезное знание. Это Годрик усвоил еще в раннем детстве, когда увидел, как отец перед визитом важного гостя украсил дом мехами, драпировками и резной мебелью за каких-то пять ударов сердца. И вообще, в доме никогда не было недостатка в стульях, посуде, предметах быта. Любая шишка могла стать мантией, шапкой, тарелкой, котлом, даже мечом или луком. Разумеется, вещи лучше реальные, изготовленные вручную, напоенные магией и защищенные рунами, а уж когда меч ковал серокожий народ — вообще изумительно, но в любой сложной ситуации Годрик прикидывал — нельзя ли тут на прореху бытия трансфигурировать подходящую заплаточку?

Вот и теперь, посмотрел он на опыты друзей и задумался.

Ну не умеет он висы складывать. Не дано. С мечом, секирой, боевым топором, коротким дротиком — хорош. А стоит перед прекрасной дамой попытаться рот открыть, так прямо и понимание настигает: «Зря я это сказал».

И что если тоже сделать тварюшку-подсказчицу? Чтобы сидела на плече и незаметно слова подсказывала. Налепила же големов Ровена. Да и Салазар смог такую прорву условно разумных тварей создать!

Вот бы на этой основе сделать что-то такое-этакое, способное прямо в голову, неслышимо, висы подсказывать!

Он бы ей выдавал мысли, какие нужно, а оно бы их рифмовало, складывало по красивее и обратно. И никто бы не знал, кто на самом деле скальд, гений и вообще...

Долго он ходил в задумчивости, а потом случилось побеседовать с владельницей замка.

Леди Ровена быстро набросала несколько схем из собственных рассуждений о сути магии и теоретических аспектах расхождения в ткани мира...

Короче, про расчеты Гриффиндор, вроде бы, все понял и поспешил к себе — выбирать подходящую схему и придумывать, как соединить «теоретические чары» с любимой трансфигурацией.

Объектом экспериментов он назначил собственную шляпу. А что? Она всегда на голове. Кому и копать в мыслях, как не собственной шляпе, правда?

Она точно будет молчать и складывать висы. То-то Хельга изумится!

— Леди Ровена, голем научился говорить? Я не понимаю, зачем тебе это понадобилось?!
— изумилась Хельга.

Годрик покраснел и склонился над тарелкой. Салазар приподнял бровь:

— Лебедь, с чего вдруг ты так решила?

— Тебе в подземельях не слышно, но под крышей кто-то гнусно и нескладно вопит. Не то висы, не то хульный нид. Я решила, что голему есть за что проклинать наших воинов.

— Да за что же?! — возмутился Бран. — Этот упырь и так из нас всю кровь выпил. Ровно козы по черепице за ним скачем! Как есть упырь! И никакой не голем!

— А его нид на самом деле проклясть может? — опасливо спросил Гай.

— Таким нескладным убожеством? Вот уж не думаю, — отмахнулась Хельга.

— Ну прям уж и нескладным... — буркнул Годрик. — И вполне ничего висы. С непристойностями, конечно...

Умение складывать висы шляпа переняла у хозяина. А голос... голос был, как у хрипатого хобби, страдающего животом. И не молчит ни вздоха, дрянь такая, шляпе дышать не надо. А неуязвимость от огня, воды и моли сам наложил, позаботился.

— Я всего лишь смиренный слуга Господа нашего. Да! И с приходом воинов и богомерзких колдунов смирение мое подвергается терпению и великим искусствам. Я понимаю, что мы должны этим людям. Но, леди Ровена! Это создание Дьявола, да простит нас Всевышний, вопиет премерзостно прямо с чердака! А дамы смущаются...

— Да? — удивилась леди, не понимая, с чего вдруг ее дамы, привыкшие жеманно хихикать в ответ на вольности в речах баронов, застеснялись криков шляпы. — Ее и не слышно почти, если выше четвертого этажа не подниматься...

— Но они поднимаются! Поднимаются на восьмой! Вместе с этими неумытыми босоногими кернами! Каждый день, ради греховного развлечения, дабы усладить свой слух хульными речами! А потом... потом идут на исповедь и в подробностях!..

— Ах, простите меня, святой отец! Я велю им не донимать вас подобными глупостями. Немедля велю!

И хозяйка замка решительно направилась на поиски своих дам. А старик с огорчением констатировал, что был не услышан, не понят и вообще, не успел пожаловаться на кернов, отказывающихся носить пристойную одежду, обувать обе ноги и креститься. А от святой воды уворачиваются, богомерзкая отрыжка Вельзевула! В этот замок, пожалуй бы и стоит пригласить экзорциста... Вот только жаль хорошего отношения владельницы Хогвартса. По соседству проповедников жгут, распинают и иначе мешают проповедям! А тут он имеет возможность еще несколько душ отвратить от колдовства и спасти от геенны огненной. Не это ли основная цель всякого пастыря?

Что ж, значит шляпу надобно укрыть так, чтобы не смущала речами невинных дев.

И он знает, кто в этом замке разделяет его взгляды на висы и премерзейшие нищеты. Хельга Хаффлапафф — дева строптивая, но чистая сердцем. Она непременно поможет заткнуть это порождение колдовства.

В итоге над тем, чтобы заткнуть шляпу, возомнившую себя великим скальдом, ломали головы все маги замка, сколько ни на есть (кроме разобиженного и раздосадованного неудачей Годрика).

Решила проблему Хельга — попросту спрятала тряпку в сундук и наложила чары безмолвия.

Керны обиделись, что их лишили вечернего развлечения и попытались было заместить вирши шляпы собственными непристойными висами. Тут уж Годрик не стерпел — сперва чуть не загонял своих людей на тренировках, а потом вспомнил, что мерзавцы Малфои опять угнали белую коровенку.

На небе робко проглядывало первое весеннее солнышко. Воины развлекались, как умели.

Уизли притихли и не подавали о себе вестей.

А с одного из набегов Салазар вернулся с перекинутым через холку коня тощим мальчонкой.

— Выкупил? — обрадовался Годрик.

— Типа того, — хмыкнул Салазар. И тему не стали развивать — не везти же парня обратно? Тем более тот и сам не рвался. Дома голод, а тут еды вдосталь, кровать как у лорда, тепло в большом зале и даже учат читать, писать и колдовать (а деревенский маг за науку спросил у матери корову, которую отдать, конечно же, не было никакой возможности).

Для жителя Городища не было ничего особого натаскать подходящих мальчишек-девчонок из семей окрестных крестьян. Сложнее Змеиному Языку было принудить себя к ирландским развлечениям по взаимоугону коров у Малфоев. Хотя... там было весело состязаться со скальдом... И надираться по трактирам, отмечая победы и поражения. И девицы у Малфоев миленькие.

Мальчишка объедался от пуза. Поглядывая на него, леди Елена тоже стала кушать

лучше, даже репу и вареный лук не всегда развешивала по бортику миски. «Такой проглот! Вдруг Юл съест все продукты, а потом и мой супчик?!» — наивные мысли, но для ее четырех с половиной лет вполне характерные.

Юные баронеты, глядя на аппетит сверстника, тоже активнее работали ложками, к радости матерей и гордости отцов. Или друзей отцов — нападение соседа наделало бед, были в свите леди и сироты.

Хельга приемыша выделяла, взяла в личные ученики и постоянно подкладывала добавку. Салазар смеялся, что бедолага, при такой кормежке, скоро станет круглым, как ёжик. Будет поглаживать пузико и фыркать при ходьбе.

Другие мальчишки сразу поступали под командование Айомхара. Их тоже подкармливали, но без такого ажиотажа. Да они и сами не особо голодали, не стеснясь силой добывать себе пропитание. Это Юл своим скудным куском умудрялся делиться с младшими сестренками, исхудав от голода совершенно неприлично. Надо сказать, первые полгода Хельга и Салазар по очереди варили парню зелья от болей в желудке и от последствий голодного-холодного детства.

Святой отец непременно приходил на тренировки и во время перерывов с жаром проповедовал Слово Божье.

По его просьбе леди Ровена обязала мальчишек ходить на воскресные службы. Керны кривились, но не возражали. Леди возразишь, пожалуй. Да и Хельга Хаффлпафф старичку симпатизирует, несмотря на его явное неприятие магии. А как без магии жить-то? Без Эванеско, Ацио, Инсендио?

Следом за Хельгой с почтением и уважением потянулся к рассказам священника и Юл. Но до поры до времени внимания на это не обратили.

Да и то сказать — пришла напасть, откуда не ждали. Витенгемот прислал гонца с требованиями и угрозами.

Мудрые мужи узнали, что есть замок, а в замке обучают воинов-колдунов. Серьезный повод объединится и устранить угрозу, пока еще возможно. А лучше — посадить зачинщиков в узилище и воспользоваться их трудами. Армия — дело хорошее.

Леди выглядели испуганными. Годрик — растерянным. Спас всех Салазар.

Суд да дело

Аппарировать умели многие. И дамы из свиты, и Салазар с Хельгой... а вот тонкое искусство создания порталов было известно только Ровене — от лорда Рейвенкло. Так что, когда требовалось группой быстро куда-то переместиться, приходилось искать леди и просить ее, чтобы она отвлеклась от книг и раздумий и зачаровала портал.

Даже отправляясь на судебную тяжбу по поводу Хогвартса, Салазару пришлось отдельно идти на поклон к владетельнице. Хотя ведь казалось бы — умная же женщина, могла бы и догадаться!

— Ровена, сделай портал. Ровена! Послушай, если хочешь, я уступлю тебе честь общения со старыми пеньками из Витенгемота!

Не отвлекаясь от книги, леди зачаровала перо и протянула Слизерину. Тот постоял молча, раздувая ноздри, но потом не выдержал и взорвался:

— Да что же такое?! Я устал за тобой бегать! Если тебе это совсем ничего не стоит, научи людей! В общем так, завтра я приведу тройку толковых пацанят, как хочешь, но чтобы эти чары и несколько других они знали.

— И нескольких девочек обучи Эванеско, я просто зашиваюсь, — вздохнула Хельга.

Картинно взмахнув полами дорожного плаща, Салазар поспешил к спутникам (ведь попросту неприлично предстать перед мудрецами без сопровождения).

Неприятные ощущения от перемещения порталом, зато быстро и сапоги не в пыли.

Перед витанами** хогвартсцы оказались почти сразу по прибытии.

И, разумеется, дело выиграли. Как же иначе?

Ровена собрала все необходимые документы, какие только могли понадобиться на суде.

Салазар был велеречив и громкоголос.

Свита делала, что ей и положено. Внушала. Слизерин специально подбирал самых напыщенных балбесов. В смысле — баранов. Да что такое?! Баронов!

И, конечно же, эти оговорки никак не связаны с некоторыми взаимонепониманиями между баронами и любвеобильным скальдом. Леди и придворные дамы абсолютно свободны в своем выборе, а зависть — недостойное чувство.

Справедливости ради стоит признать, что выиграли при помощи маленького лукавства и с небольшими оговорками.

Попросту говоря, Салазар объявил, что детей никто не крал, их всего лишь пригласили в школу для обучения колдовству и чарам. Дело нужное, а то просто стыдно перед предками. Где маги уровня Мерлина?! Кого будут прославлять потомки? Босого на левую

ногу Годрика?

— Да, дело хорошее, — кивали витаны. — Но и помощь молодым основателям школы просто необходима. И мудрецы эту помощь предоставят — внесут денег, кому сколько не жаль... э. Посильный вклад, да. А взамен — сущий пустяк: уверенность в том, что в замке действительно школа, а не армия. Потому знания проверять будут не учителя, а несколько витанов, из числа знатнейших и мудрейших. Вот, как решите, что научили детей всему, чему могли, так и проверят. Ну и в первые года чаще будут заглядывать — советом помочь, может, мудрость передать отрокам.

У Слизерина сводило скулы, как от кислого, но не улыбаться было нельзя. Сметут. Они в замке нападения клана Уизли опасались, а против всего совета и подавно не выстоят. Так что соглашаться на проверки, кивать, улыбаться, разводить руками на упреки, что набрали крестьянских детей и только их. Не идут в школу аристократы. У каждого уже наставник личный, гонор непомерный. А крестьянские дети просты — от приглашений не отказываются, да. Посильные платы — хорошо, но неплохо бы, чтобы витаны, в своей великой мудрости, хоть по сиклю за голову платили школе — крестьянские дети не только травы на зелья переводят. Их еще и кормить-одевать приходится. Разумеется, школа, *пока существует*, будет обязана. И учителей было бы неплохо побольше. Для школы. Помогите, мудрые витаны, кто чем может — средствами на зарплату или личными астрономами-рунологами.

«Пока существует», — ехидно улыбался Салазар, направляясь к выходу. — «Долго ли такая убогая задумка протянет? Кому нужна школа в прогрессивный век наставничества?»

— Салазар, стой! Мудрецы на словах просили добавить. Неофициально.

— Огорчай, Киф.

— Ну, ты это, орел, конечно. Но другой раз за школьниками сперва почтовую сову с приглашением высылай, обещаешь?

— *Пока школа существует*, да будет так!

Всерьез постановление витанов никто в замке не принял. Ну, усложнят своим стражникам систему обучения. Делов-то. Леди Ровена и так частенько забывалась и начинала рассказывать мечникам о вещах далеких от практического применения.

Кто поразумнее — сбегали сразу по «важнейшим делам». Обычно, на кухню. Были и «блаженные», которые сидели, слушали. Даже, бывало, на посту принимались эту самую теорию магии развивать дальше, строить предположения и расчеты. В некоторых бойницах камни были уже расписаны не матерными словечками, а формулами заклинаний левитации.

А один идиот, названный в честь великого Мерлина (родители его, видимо, были

большими оригиналами), даже попробовал применить свои расчеты на практике и долго летал вокруг замка — ловили всем гарнизоном, а после месяц искали возможность чары с него снять.

Этот Длинножоп был настоящим проклятием. Он спотыкался на ровном месте, совершенно не умел летать на метле, а в зельеварню Слизерин запретил пускать его, и его потомков до седьмого колена. Может, после Длинножопы будут более способны к зельям. Пока же — замок было жаль.

Самые взрывоопасные образцы Салазар сохранил. Так, на всякий случай. Вдруг — осада. А они на врагов или безымянную нестабильную гадость, или целебное зелье того же мастера — половина нападающих гарантированно сдохнет в корчах.

Годрик по пьяни все пытался выяснить у бедолаги — почему тот не взял фамилию жены? Уже его сыновья были бы удобосказуемого рода. Мерлин что-то объяснял. Сами понимаете, как это характеризует умственные способности Мерлина. Объяснял. Пьяному Годрику. Да-да.

В то утро Длинножоп дежурил на мосту.

Он должен был предупредить Слизерина в случае появления подозрительных личностей, гостей, непонятной активности или бесхозной живности (коровка Малфоев так привыкла, что ее гоняют туда-сюда, что иногда прибегала сама).

— Только не в мою смену! Только не в мою смену! — мямлил Мерлин, тиская в руках слишком тяжелую для него секиру.

— Длинножоп! — прикрикнул Слизерин, неслышно оказавшись за спиной. — Что ты тут бормочешь? Не смей улетать с поста, негодяй! Больше ловить не будем!

— Д-да, господин.

— Я отправляюсь в рощу. Если ты тут что-то начудишь, подай знак искрами. Я тут же вернусь и откушу тебе голову.

— Д-д-да, господин!

Не успел Змеиный Язык скрыться в священной роще, как к мосту аппарировала группа волшебников. Богатые, толстые, важные. С отроками-наследниками, которых привезли для обучения в школе. Длинножоп подергался туда-сюда, как птица в силках. Злоязыкого зельевара он боялся до судорог. А вот Годрик, хоть добряком и не был, внушал уважение всем обитателям замка.

Мерлин прислонил тяжелый топор к перилам и припустил за Гриффиндором.

А то ведь точно откусит голову, колдун проклятый!

Слизерин шел, внимательно вглядываясь под ноги. У него появилась новая идея насчет

фамилиаров, и срочно захотелось поймать пару змеек и проверить свою теорию. Суету у моста он благополучно прозевал, хоть отсутствовал всего ничего. Не больше часа.

Гриффиндор издали глянул на гостей и обмер.

Креббы и Гойлы. Семействами.

Их наследников не согласился взять ни один наставник. Даже за запредельную сумму, которую вслух и выговорить жадно, не то что заплатить кому-то. Не нашлось наставников. Даже шарлатанов не нашлось на этих детинушек.

«А нам ведь бесплатно их привели! Мерлин дери Салазара Змеязыкого!» — подумал Годрик, нацепляя самую придурковатую улыбочку, на которую был способен. И тут вдруг представил, что крепких, но тупых ребят поручат обучать именно ему. А что? Та же Ровена скажет, что не чародеи и не травники, а идеальные керны. Представив, как он будет учить дуболомов трансфигурации (а ведь их потом надо родичам вернуть живыми и не сильно покалеченными) Гриффиндор пришел в ужас.

— Значит, школа. Ну, принимайте учеников. Как у вас тут все устроено? — оглядывая замок, словно собственный хлев, спросил Грегори Гойл.

И не прикопаешь мерзавца по-тихому под осинкой — кельповы гости Малфоевы йомены***.

— У нас все серьезно, — принялся врать на ходу Годрик, пропуская гостей в замок. — Четыре факультета, распределение. Есть ритуал. А вот — староста Слизерина. Мерлин Дл... гм. Мерлин, проводи гостей.

Длинножоп, запинаясь через шаг и не рискуя после Годрикового выговора бросать секиру, повел высоких гостей в обеденный зал, изо всех сил стараясь не сутулиться. В это время Годрик, подождав, пока они завернут за угол, бегом припустил к Ровене. Ну, или хоть Хельгу найти!

— Ритуал? — ужаснулись дамы, откладывая рукоделие. — Ты с ума сошел! Чтобы выдумать торжественный ритуал, нужны недели! Месяцы!!! Годы!!!

— У нас пять минут, пока Длинножоп ведет их в трапезную.

— Это невозможно!

— Ну...

— Вина и закусок мы прикажем подать. — решительно встала Хельга, жестом отправляя выполнять поручение самых сообразительных дам. Дамы, подобрав юбки, побежали за служанками.

— Ну, хоть так. Задержите их еще минут на пятнадцать, а я сейчас.

«От большого ума — больше вреда. Гораздо больше, чем пользы», — думал Годрик, пробуксовывая на повороте и отталкиваясь рукой от стены. — «А Хельга — умница. Сразу организовала девиц за окороком, сыром и хлебом. Все добродушнее к нам отнесутся гости, чем на пустой желудок».

Годрик добежал до нужной комнаты и открыл сундук. Его тут же оглушили вопли шляпы.

— Ты тут это... Как ты тут, мое создание? В уме не повредилось?

— У меня твой ум. Не в чем повреждаться.

— Зарраза.

— Я так понимаю, что-то нужно от меня? — дыра у тульи изогнулась, обозначив презрительную усмешку.

— Надо это... надо сказать, что так, мол, и так, а школьники избираются на факультет Слизерина Змеинового Языка.

— Так и говорить: «Так, мол, и так»? Или, прямо, как есть можно сказать? Про школьников... — мерзкое творение препохабнейше подмигнуло дыркой тульи.

— Ты не зли, не зли меня! — рыкнул Годрик, наконец переводя дух.

— А что будет? Уничтожить ты меня не можешь, мы это уже выяснили.

— А что, понравилось в сундуке сидеть? А я пообещаю, что все распределения будешь проводить.

— И читать всем висы. Первую — тебе посвящу.

— Вот уж хрен!

— И распределяй сам. Так, мол, и так.

— Ах ты, тряпка половая! Да я тебя... я тебе...

— Ну? Что?

— Валяйся тут впотьмах! Или... — тут Годрика осенило. — Или я тебя Ровене отдам. Для изучения и опытов.

Шляпа притихла.

— Ну хоть маленькую вису... А? Коротенькую...

Тут задумался Годрик. Можно было бы поторговаться... Только время... время поджимало.

— Хорошо. Ладно! Короткую вису раз в год.

— Перед каждым распределением!

— Раз...

— А тогда... Я тогда всем поровну распределяю. И тебе, и Ровене — не только Слизерину.

— Все, некогда нам спорить!

И, непочтительно подхватив шляпу, Годрик побежал обратно.

— Но Гойла и Кребба — только Слизерину! — пыхтел он на бегу. — Я твой создатель, так тебя и так!

Перед Большим залом он затормозил и завернул в тесную комнатенку, чтобы прихватить там торжественный парадный стул для шляпы. Чтобы все было... парадно.

В комнатенке было неожиданно тесно и людно. Высокие гости, вместо того, чтобы жрать окорока и наливать вино, топтались на месте. Длинножоп трясся в углу.

Ясно. Этот тупица заблудился, но признаваться гостям боится. Салазар бы его за такое по хребтине вытянул.

— Ну, собрались ли отроки с мыслями, Дл... Мерлин? — сориентировался Годрик. Что отличало воина от той же Ровены, так это умение мгновенно принимать решения.

— Са-собрались, господин Гриффиндор.

— Отроки, Хогвартс надолго станет вашим домом. Отбор — очень серьезная процедура, потому что с сегодняшнего дня и до окончания школы ваш факультет станет для вас второй семьей*. Вы будете вместе учиться, спать в одной спальне и проводить свободное время в комнате, специально отведенной для вашего факультета*. Факультетов в школе четыре — Гриффиндор, Хаффлпафф, Рейвенкло и Слизерин*. Не посрамите честь факультета Сли... на который вас распределяют. Я вернусь сюда, когда все будут готовы к встрече с вами*.

Чинно и неторопливо прикрыв за собой дверь, Годрик снова перешел на рысь — надо удостовериться, что столы накрыты и все готово. С перепугу он прихватил не резной стул, а какой-то убогий колченогий табуретик. Ладно, так сойдет. Трансфигурирует его на месте в шикарный дубовый трон.

В зале дамы пребывали в состоянии, близком к истерике.

— Годрик! Длинножоп потерял витанов со всеми семействами! И сам потерялся, скотина!

— Я их нашел! — гордо выпятил грудь Годрик, сам себе удивляясь — каким Мерлиновым чудом он вломился в ту каморку вместо того, чтобы трансфигурировать кресло прямо из камней пола?

Он поставил табурет, небрежно бросил на него шляпу, удостоверился, что еда на столах и окинул взглядом присутствующих.

Тут дверь распахнулась, и вломился Салазар со змеей на руках.

— Я этому Длинножопу его секиру в зад засуну! Этот выродок оставил пост! Не иначе — улетел в небеса, сын пса войны, лакающий козье молоко на холме йотуна!

— Тихо, тихо! Он тут. Как раз с йотунами****, ага. Витаны решили отдать нам детишек на воспитание.

— Нет, — мгновенно побледнел Салазар. — Скажи, что это не Креббы и Гойлы.

— Ладно, стой тут, сейчас начнется распределение.

— Что за распределение? — озадачился Слизерин.

— Торжественное.

Годрик из камня стены трансфигурировал дверку приблизительно в каморку и решительно шагнул внутрь. Оттуда донеслись изумленные вскрики.

Гости строем вышли в трапезную. Мужчины Рода сразу оценили столы, прикинули литраж кувшинов с вином и нетерпеливо нахмурились.

Шляпа прокашлялась.

И спела свою вису.

Да такую, что леди Ровене пришлось в тайне от гостей накладывать на Салазара парализующие чары.

— Гойл, Тревор! — выкрикнул свое имя старший мальчишка и нахлобучил на себя шляпу.

— Слизерин! — почти мгновенно выдала она.

Ровена обновила парализующее и дополнительно наложила чары немоты.

— Гойл, Пармус! — выкрикнул неотличимый от Тревора мальчишка.

— Слизерин!

— Кребб, Амикус! — фамилия была другой, а внешность всё та же. Очень напоминающая Салазару лесного тролля.

— СЛИЗЕРИН!

— Ну, а теперь можно и отметить дельце, — обрадовался патриарх Гойлов.

Ровена нерешительно сняла чары со скальда. Змеиный Язык сунул дохлую змею в карман (слишком сильно сжал бедолагу) и направился к столам. Ничего, он найдет, чем достойно ответить Годрику. Он уже знает, как ему отомстить.

Мерлин Длинножоп робко прятался в тени у свеженаколдованной двери.

Салазар еще не знал, что этот недотепа — первый староста его факультета.

Примечание к части

**витан - член витенгемота

***Йомены, йоменри (англ. Yeomen, Yeomanry) — в феодальной Англии свободные мелкие землевладельцы, которые, в отличие от джентри, самостоятельно занимались обработкой земли, хоть и в разной форме, все йомены находились в манориальной (поместной) службе при короле или крупном феодале.

*канон

****Йотун (ётун) - великаны, сильные, тупые, прожорливые враги людей и асов.

Внезапности

Отмечали распределение долго. Хельга уже ушла обустроить мальчишкам комнату, а мужчины все отмечали. Через день, за завтраком, удивленный Салазар спросил у подруги:

— Лебедь! Зачем же ты поселила отрыжку йотуна в соседние со мной покои? Это оказалось неприятной неожиданностью. Длинножоп у меня, оказывается, староста. Он пусть и бдит.

— Подумалось, что это самое безопасное место. Можно еще сделать подземный ход, чтобы в случае нападения тайно вывести детей, не прибегая к волшебству. Сам знаешь, иногда простые способы — самые надежные.

— Безопасные, — проворчал скальд. — Этих троллей ни одним громом не расшибешь!

Гриффиндор гадко хихикал, вызывая желание подраться. Но драться с ним, равно как и складывать нид, таким ранним утром совершенно нет желания. Знатно отметили. Шевелиться не хочется — не то что драться!

— Годрик, — обратила на себя внимание леди Ровена. — Я бы хотела поговорить про названия факультетов. Почему нашими именами? Факультеты стоило назвать возвышенно!

— Или в честь местночтимых святых. Покровителей воинов, лекарей, земледельцев и иконописцев, — важно произнес священник, воздев палец к отсутствию потолка.

— Леди, — Годрик явно напомнил себе, что сейчас обращается к владельнице замка. — Какое возвышенно?! Над возвышенным названием думать надо год. Или два. Все пришлось решить у моста. Взирая при этом на рожи наших дражайших соседей, да будут тучными их коровы и резвыми — кони. — Он потянулся за ломтем хлеба. — Ладно, в конце концов, все это временно. Кто, кроме этих достойных витанов решит воспользоваться нашими услугами? Ну, серьезно! — промычал уже с набитым ртом и не обратил внимания, что Слизерина с чего-то разобрало загадочно ухмыляться.

Сразу после завтрака, отправив своих учеников к Ровене за азами чароплетения, Салазар напутствовал своего «старосту» и аппарировал в неизвестном направлении. А Годрик забеспокоился. Змеиный Язык ненормально мстительный. Так нельзя.

Собственного замка у Уизли не было. Был дом за двумя кольцами валов, а рядом с домом свинарник и пристройка для рабов.

Не было у них и несметного числа воинов-магов. Если бы не случай, глава ни за что не решился бы напасть на Рейвенкло. Теперь же... Теперь мужчин и вовсе почти не осталось. Слишком многие были убиты кернами Гриффиндора. Еще больше погибло,

отражая нападения прочих соседей, почуявших слабинку клана.

Во главе встал внук. Слишком юный и глупый. Благополучие — да что там, само существование клана — было под угрозой.

Уизли с ужасом ждали последнего, сокрушительного удара из замка Рейвенкло. И откупиться им нечем. И нечем. Не подойдут их рыжие девы для выкупа, когда в замке есть красавицы-ведьмы. И тут у ворот появился Слизерин. С почтовой совой.

Сова принесла в замок непонятное письмо-приглашение в школу волшебников и чародеев «Хогвартс».

Сопливый «глава» сперва приказал прямо сразу и без разговоров напасть и отрубить визитеру голову. И матушка еле уговорила сына не губить оставшихся воинов в битве с Салазаром. Было решено позвать гостя на переговоры и по возможности замирились. В крайнем случае, голову можно отрезать и потом, когда Слизерин домой соберется.

Нехотя, мальчишка согласился. И почти сразу понял, чего подсознательно боялся, что заставило настаивать на убийстве, а не на переговорах. Змеиный Язык — он змеиный язык и есть. Да еще какой! Наловчившийся при королевских дворах общаться. Такой в глаза тебе глядит, говорит что-то, а не понять — виса это или хульный нид?! Келен Уизли злился, скрипел зубами, хватался за изукрашенный дедов меч. А Слизерин нагло ухмылялся в лицо и поигрывал волшебной палочкой. Он уже успел оценить, что не осталось — совсем не осталось — у Уизли мужчин-магов, способных противостоять ему одному. А уж отряд гриффиндорцев и давно пройдет, как разделочный нож сквозь флорбер-червя. Противно, зато выгодно. Так что, если не пойдет разговор, достаточно будет аппарировать прочь и сообщить кернам, где ждет пожива. Пока соседи лихие не набежали.

Понимали это и женщины клана.

И женщинам виделась надежда в предложении Салазара.

Им опротивела бойня. Они устали хоронить своих мертвых. Если для того, чтобы замирились с Рейвенкло, нужно отдать в заложники нескольких сынов, что ж. Да и не хоронить их, не проклинать и не терзать будут, а учить достойно магическим искусствам. Сам Келен о наставниках и не думал — все сбережения семьи уходили на наемников и на еду для наемников.

Тем не менее, именно Келен встал, чтобы отказать гостю и командовать воинам атаку. Встал и тут же получил затрещину от матери.

— Молчи! Прокляну!

И он смолчал.

— Возьму я Артура, Бодрика и... — скальд усмехнулся, — и Келен по годам подходит. Да и по норову его поучить взрослым мужам не худо.

Мальчишка вскинулся и схлопотал еще один подзатыльник и заклинание немоты от

матери.

— Поучи, великий Салазар! Тебе лично вручаем наследие Рода.

— Э, нет! У нас школа, самим Витенгемотом одобренная и оцененая. У меня уже есть ученики из детей мудрецов. А решается все на торжественном распределении. Факультета четыре. Куда распределяют, туда и распределяют, я тут возражать не стану.

Женщины покивали. Вот как, оказывается. Витенгемот уже на стороне Рейвенкло. Конечно, куда уж теперь им, Уизли. Надо соглашаться поскорее, пока Салазар совсем не передумал.

— Поучите! Доверяем вам, как себе! Не пожалейте колотушек!

До школы у Слизерина был портал, зачарованный Ровеной. А потом — бегом, бегом — до комнатенки рядом с большим залом.

— Ждите здесь, набирайтесь мудрости. Когда все будут готовы, я за вами вернусь. Проведем ритуал отбора, — и Змеиный Язык, прихватив трехногий стул, скрылся за дверь.

— Ритуал отбора? — дрожащим голосом протянул Бодрик. — Я не хочу... А вдруг, они заставят нас сражаться с троллем?

— С троллем, так с троллем, — осадил семилетнего братца Келен. — Ты — Уизли, веди себя достойно! Нам не пристало показывать страх перед врагами!

Слизерин же приманил своего гомункулюса. Дрожащая тварюшка была послана собирать всех причастных в трапезной. Подвернувшийся по дороге Длинножоп — отправлен на кухню, приказать накрывать пир в честь распределения.

А сам скальд ворвался в комнату, в которой лежала шляпа. Чуть-чуть посомневавшись, он открыл сундук.

- ...ивияяааа! — донеслось оттуда. Салазар поморщился громкому голосу и невозможной ноте. Гриффиндор сотворил что-то противоестественное. Противное самой природе.

— Не верю счастью! Распределение? Так скоро?! Я посвящу драпу...

— Ты распределишь Уизли на Гриффиндор. Всех троих.

— Троих?..

— Кровь за кровь.

— Но как можно! Я обещала, что буду распределять поровну!

— ПОРОВНУ???! — шляпа дернулась в руках скальда, уже не так уверенная в своей неуязвимости. — Зловонное чрево...

— Но я обещала!

— Если ты, капля козла Всеотца в меде великой поэзии, только заикнешься мне о чести и справедливости, я ославлю тебя на весь свет, как самого отвратительного скальда из живших, живущих и грядущих, такого, которого и слушать опасно.

— Но... Не все ведь тебе поверят, да? — с надеждой спросила шляпа.

— Поверят. Ты же вещь, а я уже признан и уважаем. Мне — поверят. Так, что?

— Хитрый и коварный, злоязыкий змеиный язык, которому в пищу лишь собственный яд годен! Да! Да, я отправлю всех Уизли на Гриффиндор! Всех, сколько ни на есть!

— Отлично.

В большом зале все уже собрались.

— Так они тебя слушаются?! — уперла руки в боки Хельга.

— Кто? Гомункулюсы? Конечно, слушаются. Я же их создал, — равнодушно пожал плечами Салазар.

— Так зачем же мы их убивали?!

— Годрик бошки собирал, ты и Ровена — просто веселились. А что не так?

— Салазар, ты... ты...

— Спокойно, лебедь! Слушайте и не говорите, что не слышали. У нас новые ученики. Я замирился с родом Уизли. И нет нужды теперь бояться их нападения. Они не станут мстить.

— Что? Как так? Не мстить за кровь? Ты дал им виру?

— Нет, так сговорился.

— Бесчестники! Предатели! Как можно не мстить за кровь?

— Тихо. Ровена, ты не могла бы?

Тихо улыбнувшись, Ровена наложила на Годрика заклинание немоты.

— Керн, ругать надо главу клана. А к нам прислали детей, — подошла к нему с другой стороны Хельга, и Годрик сдулся. Да, это бесчестие — просить ответа с малолетних Уизли.

Слизерин открыл трансфигурированную Годриком дверь, и оттуда vybrели мальчишки — один меньше другого. Но все рыжие, с отчаянно-дерзким взглядом синих глаз.

Вот проклятое семя!

Шляпа будто бы и не радовалась, когда пела свою вису. Посвятила она вирши Салазару. Хоть тем порадовав своего создателя.

Но вот когда мальчишки по-старшинству садились на стул...

— Гриффиндор.

— Гриффиндор!

— ГРИФФИНДОР!!!

— Что?! — заклятие немоты Годрик сбросил, даже не заметив. Заливаясь счастливым смехом, Салазар вовремя достал свою волшебную палочку.

— Драться — на улицу! — сразу же приказала Хельга и повела детей к столу. Да, они — те самые Уизли. И что? А у нее сын. Она знает, каково сейчас матерям этой троицы.

«Гриффиндору все равно проще», — с неудовольствием отмечал Салазар. И это было действительно так. Конечно, чтобы учеников было по счету, он взял совсем сопливых юнцов. По-хорошему — только Келен годился, на взгляд Слизерина. Но вдруг выяснилось, что малолетний Артур учится прилежнее братьев, запоминает лучше, да еще и не имеет излишнего гонора. Того же Мерлина взять — ну ведь ветер в голове, словно на вересковых пустошах, резвится. Слово скажешь ему, эхо восемь дней гуляет, а туда же — женатый муж уже, «невместно», «неположено», учить не станет, повторять не будет, «а Ровена по-другому говорит». Салазар, конечно, и женатого ученика не считал зазорным розгой вытянуть. А то и дубиной поперек хребта, но все равно, обучение шло не такими темпами, какими обучался средний Уизли. Салазара это заедало. Годрик же похвалялся, что у него опыт в обучении. Конечно, *опыт*. А сам назначил старостами своих кернов. У Салазара же старостой — Длинножоп. Пробовал было пожаловаться Ровене, но эта бесчувственная женщина только плечами пожала и предложила забрать Мерлина себе в ученики. Как же! А с кем тогда оставаться Слизерину? Кого старостой ставить?! Старшего Гойла?!

«Везет Слизерину!» — думал Годрик. — «Мальчишки, конечно, тугодумы. Зато одеты, обуты, худо-бедно азам наук их матери обучили. А главное, волшебные палочки есть у всех. Клан Уизли же — и как они раньше не заметили? — совершенно вымотало их недолгое противостояние. Соседи их грабят уже совершенно без оглядки. Пока еще они замиряются со всеми, свадьбами мир закрепят... Да и все равно былого уважения и силы

клану не вернуть. За кровь мстить не стали — такого соседям никогда не понять. Придумают какую-то дразнилку, да на тысячу лет и приклеится. Типа, „предатели крови“. А что? Мстить не стали. Значит, предали тех, кто ушел безвозвратно».

Хотя... Годрик ловил себя на крамольной мысли, что вполне понимает женщин клана. Смерти, голод... Он сам не хотел продолжения вражды и с радостью принял мальчишек в ученики-заложники, хоть виду, разумеется, не подал. Не поймут. Он сам себя не понимал. Старееет, что ли? Вроде бы, маги живут дольше магглов. Лет до семидесяти-восьмидесяти доживают, да еще в бой годны идти. Так что рановато для старости.

Мальчишки, вверенные его заботам были щуплые, веснушчатые и... не нищета, но несомненно уже жалкие остатки бывшего комфорта. Одежда добротная, но отцовская. А волшебных палочек и вовсе нет. Келен (глава клана, а как же) хвалился ковырялкой какой-то, но такая даже в носу вертеть не пригодится: занозы вынимать трудно. Была у него палочка из ясеня и волоса единорога, отцовская. Глупость матери это и ни что иное — давать сыну мертвую волшебную палочку.*

Нарезать прутьев да рассовать компоненты — дело нехитрое. Рукояти к палочкам может и Гринхук сделать. Но какая-то палка выберет себе годного мага? А остальные куда? У них школа, а не склад древесины. И не любил Годрик занудное монотонное дело. А изготовление волшебных палочек — как раз таковое. Потому керн и обрадовался новому гостю.

Гость пришел ранним утром. Как раз к первому завтраку.

У моста дежурил Гай. На папашу, желающего пристроить слабосильных чад в школу бесплатно, визитер не походил, так что в большой зал гриффиндорец провел мужчину без страхов и сомнений.

— Мистер Оливанд... дыр-дыр баум, с вопросом! — крикнул Гай от двери, позабыв за время дороги имя гостя и понадеявшись, что если кричать невнятно, то и так сойдет. Не сошло.

— Оливенбаум, юноша, — въедливо поправил посетитель. — Мастер волшебных палочек. И у меня-таки есть выгодное дело до хозяев этой школы.

Годрик и Салазар молча переглянулись и обернулись к Хельге, уведомив ее:

— Мы с тобой.

— Почему со мной? — Хельга недоуменно посмотрела на Ровену. Леди Рейвенкло безмятежно приподняла бровки:

— А с кем же? Милая, а кто же у нас хозяйка школы? Да и замка, если на то пошло?

— Ты. — Хельга ни на миг не усомнилась в ответе. Ровена только расхохоталась, словно услышала невероятно смешную шутку. — Ну не Годрик же! И не Салазар. Или вы тайно обвенчались?

Гриффиндор, который спешно дожевывал мясо, подавился. Слизерин смачно хлопнул соперника-приятеля по спине и пододвинул кубок.

— Я все еще леди Рейвенкло. Уж на свадьбу я бы всех позвала.

— Да и волхв твой перестал бы нудеть про грехи тяжкие, — скривился Салазар.

— Вот скромность и смирение, достойные христианки! — воздел палец старик, сидевший над миской пустой каши. — Ибо давно уже держит ключи от замка, но не возгордилась. А жидовина гоните прочь, — и он обличающе ткнул пальцем.

Маг в дверях поджал губы.

На переговоры, чуть поспорив, пошли впятером. Вредный священник увязался, а дамы не позволили ему отказать. Мастер палочек был человеком старательным, и артефактов в его торбе оказалось преизрядно.

— И ваши школьники будут с волшебными палочками, и достойные мужи из совета мудрых легко покроют расходы, и старый Гедалия Оливенбаум получит свою маленькую прибыль.

— По ценам глядя, так и не маленькую, — хмыкнула Хельга.

— А если учесть, что не имеющих волшебные палочки школьников наш наставник поведет только к вашему порогу, **и никуда кроме...** — Салазар ухмыльнулся. — То школе неплохо бы получать с этого небольшой процент. Совсем маленький, как ваша прибыль, не больше.

Спор был не долгим, но жарким. Особо наглеть мастер Оливенбаум не мог. Стоило ему возопить особо громко, как священник начинал бухтеть, что такого гостя надо гнать камнями и палками до самых земель египетских, а не договариваться с ним полюбовно о колдовстве богопротивном. Так что расходились довольными все, кроме священника.

— Так что, слышал, Длинножоп? Если кого поведешь за палочками, всех веди вот к этому — как там его Гай называл? — к Олливандеру, — важно скомандовал Слизерин старосте своего факультета и поспешил вернуться за стол.

Примечание к части

Поттервики. Слова Олливандера: Палочка из ясеня закрепляется только лишь за одним хозяином; первоначальный владелец не может ее передать или подарить, потому как она теряет всю силу и навыки. Эта склонность доходит до крайности, когда сердцевинной палочки является волос единорога.

Палочка из ясеня с волосом единорога была первой палочкой Рона. Фактически, бедолага колдовал деревяшкой. Мертвой деревяшкой. Мы впечатлились. А вы?

Длинножоп и шляпа

Через год в школу приехали достойные витаны, проверить навыки и житье учеников. А также — не слишком ли старательно юношей учат воинскому делу, в ущерб прочим наукам?

Предводительствовал среди них Ксенофилиус Лавгуд — муж ученый и колдун сильный. Впрочем, в их роду слабых колдунов не рождалось.

— Дорогая сестра! — встретил Ксенофилиус Ровену. — Вот уж не ждал от тебя столь странной задумки со школой! Но раз уж ты придумала это, вот тебе твои племянники: Полис и Лисандр. Я собираюсь заняться делом, так что сам воспитывать не успеваю. А наставники не видят у самого носа простейших мозгошмыгов. После того, как я убил дурака, распугавшего моих кизляков, стало совсем непросто подыскать учителей. Ну, что тут у тебя?

Леди отдала приказ слугам устроить мальчиков со всеми удобствами, а сама повела брата, показывая отделанные хозяйственной Хельгой классные комнаты.

— Ммм! Какие у тебя кизляки! — восхищенно прицокнул лорд Лавгуд, нежно вороша листики герани. — Чем ты так их откормила? Я высаживаю фиалки.

— Откормила?! Я не знаю, чем их вывести! Я развожу герань. Слышишь, брат?! Ге-рань!!!

— Послушай, ты просто обязана поделиться со мной парочкой кустиков. Или хоть череночек любимому брату. Совершенно удивительно! Мне казалось, что у фиалок листики вкуснее.

— Не пробовала ни герань, ни фиалок. Ты всегда был слишком уж эксцентричен, дорогой братец. Быть может, отловишь себе и пару кизляков? Пару десятков кизляков.

— О! О!!! Какое великодушное предложение! У меня и сачок с собой.

Первая проверка уехала очень, ну очень довольная школой и ее обитателями.

А племянники леди Ровены остались. Они были неглупыми мальчиками, сменившими восемь наставников и хорошо разбирающимися в том, как надо учить детей. Леди Ровена решила, что свои знания им будет передавать в вечерних беседах. А днем племянники вполне могут стать учителями астрономии и нумерологии в Хогвартсе. Да и вообще, когда сам учишь кого-то, лучше запоминаешь знания.

Розита, повстречав мальчишек Рейвенкло в учительских робах, пришла к брату:

— Я тоже хочу быть наставником!

Первую пришедшую в голову мысль керн не озвучил. Сплюнул и промолчал со второй и третьей идеей. Да и четвертое предположение, самое не обидное, не стал озвучивать взбалмошной сестрице, только очень выразительно заржал.

Розита вспыхнула и топнула ножкой.

— Не считай меня дурой! Я могла бы рассказывать про висы! Про разных скальдов, про страстную любовь, про подвиги и про Мерлина! Или... или прорицания вести.

— Ага, гадание на птичьих кишках, — Годрик пригладил усы. — Замуж я тебя отдам. Вот Гай дом выстроит, и сразу отдам.

— Почему сразу Гай! Что он у тебя вечно крайний?! Я бы вот за Салазара не отказалась...

Годрик опять обидно заржал. Да так, что на глаза Розиты набежали слезы.

Оборвался смех резко. Гриффиндору вдруг подумалось...

— Девка, уж не поверила ли ты всей той чуши, что этот охальник вешает на уши своим бабам?!

— Почему чуши? Салазар меня любит, — шмыгая носом подняла на брата невинные глаза Розита.

— Я его убью. Где этот козел? Я его убью! — проревел Гриффиндор.

— Нет, Годрик, нет! Не трогай Салазара!

— Да не прикаснись! Так убью! Издалека!

— Годрик! Годрик! — испуганная Розита не понимала, как так получилось, что разговор о ее преподавательской деятельности закончился обвинениями в разврате.

Гриффиндор опять сошелся в бою со Слизерином, но в этот раз правда была на стороне Салазара.

— Да слово даю! Я был всего лишь вежлив с девой. С ума я сошел — сестру друга портить?

— А висы читал?! — Годрик размахивал тяжелой секирой, убрав палочку подальше, чтоб не прибить ненароком приятеля.

— Да кому я вис не читал?! — изумился Слизерин, едва не пропустив удар, только в последний момент выставляя щит. Он как раз пользовался только волшебной палочкой. Ему тоже не хотелось обижать друга. Что за проблемы вечные у этих юных дев?! Одна сбежала и вредничает, другой пару раз улыбнулся, так вздохов, словно на сеновал затащил! Одна Ровена нормальная.

После боя оба знатно надрались. И в великой мудрости, какую дает только бочка доброго эля, распитая на двоих, решили пойти потребовать у Хельги твердого и однозначного выбора.

Приди они трезвыми, Хаффлпафф еще бы задумалась, а так — надавала обоим по морде и выставила вон. Еще и пригрозила протрезвить насильно или водой ледяной облить.

— Нет-ту щастья в жиззи с ведьмой! — пошатываясь произнес Салазар.

— А ни с ведьмой — тоже нету. Вааппе нету, друг ты мой! — расстроился Годрик. — Вот Розии-ита — ведьма слабая. А щастье хде?

— Хде?

— Вооот. А Гая она в мужья не хочет. А Бран — не дурак. Киф тоже. И Калваг. Был. Помянем?

— Да.

— Знчт, за Гая не хочт? — спросил вдруг Салазар, пока они пошатываясь брели к новой бочке эля.

— Не хо. В тебя влюбилась, как дуууура.

— Пщему, как дура?

— А че, в тя умная влюбится? — Годрик так удивился, что забыл, куда шли.

— Ты это. А пшли у нее спросим?

— Чего?

— Она за меня замж пойдет? А то Хельга не хочет, а у этой, у второй, муж.

— Он же помер?

— Ы.

— Ну, пошли.

Розита пьяным до изумления друзьям тоже сперва не обрадовалась. Но когда узнала, зачем они пришли, тут же передумала.

Никаких сомнений! Салазар выпил, чтобы преодолеть робость! И Годрика споил, чтобы тот не возражал! А то вечно брат против ее счастья!

Проснулся Слизерин с больной головой и с кольцом на пальце. И дня два приглядывался к дамским ручкам, пытаюсь определить — с кем же успел помолвиться за время, выпавшее из памяти по пьяному делу. Увы, ни Ровена, ни Хельга парного кольца не носили. А на ручку Розиты Гриффиндор Слизерин вообще посмотрел случайно.

Ровена только пожала плечами, не выказав никаких чувств. Хельга прикрыла глаза и попыталась отговорить Розиту от необдуманного шага, но слова подобрала неверно. Так все и осталось, как сложилось. Девушка буквально летала по замку, раздумывая, что и как готовить к свадьбе, а ее брат бдил, охраняя нравственность. На свидания Слизерин мог бы не рассчитывать, если бы не слизеринская хитрость.

Ранним утром, у всех на виду, жених и невеста перемолвились несколькими словами. Розита что-то переспросила, Салазар ее пару раз поправил. Гриффиндор не заподозрил ничего такого.

Глаза ему открыл священник. Год спустя.

А пока... Гриффиндор вел учеников в горы, в лес, на озеро или на реку, а за ним, ругаясь и проклиная все на свете, мчался Салазар — вытаскивать гриффиндорцев из-под обвала, добывать диких лесных троллей, осушать озеро и перегораживать реку, чтобы всех спасти, обсушить, напоить лечебными зельями и отругать так, чтобы в другой раз неповадно было.

И «в другой раз» гриффиндорцы не лезли в горы или реку, а выбирали новые, неизведанные опасности — вересковые пустоши с добрыми соседями, остров, населенный дементорами, руины замка с баньши в единственной уцелевшей башне...

Хельга нашла отличного старосту для своего факультета. Юл прекрасно подошел. Он и до назначения приглядывал, чтобы мальчишки и девчонки не ссорились, не дрались, не отнимали друг у друга еду и вещи. Помогал отстающим, не жалел добрых слов для отличников. Жаль, что такой Юл — один на весь факультет.

Окрыленная внезапной идеей, Хаффлпафф потащила мальчишку к шляпе.

— А этого куда? — сморщилась тряпка.

— Этот мой, — поспешила ответить Хельга. — Было бы неплохо, если бы похожих юношей ты отправляла ко мне. И мне просто учить столь покладистое дитя, а то сама знаешь мой тяжелый нрав, и прочие мои воспитанники будут присмотрены подобным добрым старостой.

Юл зарделся и поскорее стянул с себя шляпу. С чего это его хвалить вздумали? Он и не делал ничего такого. Вот Мерлину бы примерить эту шляпу. Он, бедолага, так боится господина Слизерина. Может, его бы шляпа распределила на другой факультет? Или хотя бы уверила, что он на своем месте находится, и на самом деле Салазар его за лучшего ученика считает. Ну в самом деле — староста, это же не просто так, да? Одним вечером, когда прочие обитатели замка были заняты ужином и беседой, Юл и Мерлин прокрались в комнату со шляпой.

— Тихо ты! — шикнул хаффлпаффец на Длинножопа, чья секира со страшным

скрежетом проехала по камням, высекая искры.

— Я нечаянно!

— Почему ты свой топор в караулке не оставил?!

— Я же сказал тебе! Я боюсь. Господин Гриффиндор заругается!

— Она где-то здесь. Госпожа Шляпа!

— А? О! Юные лорды захотели послушать мои висы?

— НЕТ! — вскрикнул Длинножоп прежде, чем Юл успел его остановить. Шляпа обиделась.

— Мерлин, ты идиот? — спросил хаффлпаффец.

— Ты ее голос помнишь? Тут через минуту весь замок будет висы слушать!

Юлу пришлось признать правоту старшего товарища, а шляпа приосанилась, расправив тулью и затрепетав обвисшими полями.

— Госпожа Шляпа, не могли бы вы тихонько распределить Мерлина? А потом мы послушаем все висы, какие вы успеете нам спеть до прихода господина Слизерина. Честное слово! — поклонился Юл.

— И будете хвалить их! — сварливо потребовала шляпа.

— Конечно! Как же можно не хвалить?!

— Ну, хорошо! Где там ваш Мерлин? Это который? Который из легенд или Длинножоп? — шляпа гадко захихикала. — Хотя, Длинножоп тоже войдет в легенды. Наслышана уже, наслышана.

Мерлин нерешительно примерил шляпу самого господина Годрика, безмерно им уважаемого.

— Ну и зря ты так! Хам, вояка и охальник. А от кого, как ты думаешь, я все кеннинги* брала?

И тут с пола послышалось угрожающее шипение — новый фамильяр Салазара, которого скальд берег от сна и смерти, увидел нарушителей и что-то там для себя решил.

Собирался ли он позвать мага или покусать мальчишек — никто никогда не узнает. Мерлин с испугу запустил секирой на звук. И попал.

— Да лучше бы я себе по ноге попал! Да лучше бы нас искусал этот змий! Да что ж такое! Ни на одной тренировке не попадал, а тут — с одного броска и насмерть! — причитал

Длинножоп над трупиком. Юл молча и траурно стоял рядом, мысленно соглашаясь со всеми причитаниями.

— Надо идти к леди, — наконец решил он. — Леди Хельга добрая. Она нас защитит. Или к леди Розите — она нас спрячет.

— Точно! — вскочил на ноги Мерлин. — Ты иди к леди Хаффлапафф, а я побегу к леди Розите. Давай, давай! Не стой! Быстрее беги! Отрастил себе пузо! Господина Салазара на тебя нет!

Юл побежал за защитой, а Мерлин, сбросив шляпу, чуть подумал и, просияв, скрылся совсем в другой стороне. Он побежал не к леди Розите (та все равно была в большом зале вместе с Салазаром), а в покои леди Ровены.

— Бегите, бегите, — злопамятно буркнула шляпа, чьи висы слушать не стали. — А Длинножопы теперь только у Гриффиндора учиться будут. Он вас научит слово держать!

Леди Ровена увлеклась экспериментами пугающими и даже в какой-то мере непостижимыми.

Расчеты свои она тщательно скрывала ото всех в замке, кроме него — Мерлина. А то! Он умеет хранить тайны. И может оценить полет мысли! Ну, и бегать на подхвате и выполнять черную работу он тоже может, конечно.

Леди решила покорить воду песка. Перевернуть песочные часы, обратить время вспять или раскрутить вперед и взглянуть на сказочные города магов будущего. Уже даже был готов первый хронос. Его надо было вращать по часовой или против часовой стрелки. Пока подопытными были только големы и почтовые совы. Но леди обещала, что скоро опробует механизм и на Мерлине.

«Так что худого не будет, если я чуть пораньше воспользуюсь хроносом. Утяну гада за хвост от секиры, спасу ему змеиную жизнь, а там он меня пусть хоть до полусмерти искушает! Все не перед господином Салазаром краснеть!» — думал Длинножоп, разглядывая артефакт и решаясь совершить прыжок назад во времени.

— Я не думаю, что зелье удачи вообще возможно, чайка ран. И уж совсем не понимаю, как оно может помочь твоему артефакту, — услышал Мерлин голос человека, с которым совсем не хотел бы встречаться.

— Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! — запричитал он, раскручивая артефакт дрожащими руками.

— Длинножоп, что ты?..

— Мерлин, немедленно положи хро...

Это были последние слова, которые слышал Мерлин.

Это был последний раз, когда его видели современники.

— Криворукий идиот, только и способный, что взрывать зелья на занятиях!!! Ни одной тренировки с кернами не прошедший без травм! — бесился Слизерин.

— Бедненький, — вздыхала прибежавшая спасти мальчика Хельга. — Как он там выживет?!

— Все-таки удачу надо закладывать в расчеты. Но как вычислить формулу?
— задумалась леди Ровена.

— А это что же, родителям и жене Длинножопа мы виру должны выплачивать? Все ж, не углядели...

— Детей заберем в школу, обеспечим всем необходимым, и ладно. Мерлин и сам виноват в произошедшем, — нахмурилась рачительная Хаффлпафф.

— Столько Длинножопов в школе я не выдержу! — простонал Слизерин. Но его предпочли не услышать.

Зарубленного фамильяра Слизерин обнаружил только день спустя, подумав, что надо бы договориться со шляпой насчет Длинножопов. В комнатке обнаружили и Ровена с Годриком. Явно за тем же самым пришли. Но разглядывали что-то на полу, не слушая вопли Гриффиндорской тряпки. Салазар пригляделся внимательнее.

— Отказываюсь верить. Проклятие какое-то! Следующего питомца заведу такого, чтобы ни один идиот его убить не смог!

— Эх, сразу видно, отроков ты недавно взялся воспитывать, — вздохнул Гриффиндор.
— Пока тут школа, заведи ты себе хоть василиска тысячелетнего — все равно не поручусь, что он в полной безопасности будет от наших юнцов. Я вот почему себе у циркуса льва не выкупил? Жалко стало зверюгу. Все ж живая тварь, чтобы его в школу тащить.

— Василиска? — задумчиво протянул Салазар, явно что-то прикидывая.

— Эй! Я пошутил! Не обдумай! Что нам делать потом с таким питомцем? С зажмуренными глазами ходить?!

— Зато каков потенциал в защите. И ингредиенты интересные... — кивнула головой Ровена. Голоса разделились, и до поры до времени Салазар о василиске не упоминал.

Юлу злой Слизерин назначил отработку — слушать висы шляпы. Пять вечеров кряду.

Через три дня к Годрику пришел Дункан МакЛаген и передал растрепанный пергамент:

— Родичи хранили этот свиток, как гейс. Нельзя было читать его. Нельзя было его утратить или уничтожить. И нельзя не передать его, когда возникнет школа в замке Хогвартс. Передавали в моем роду этот свиток со времен Мерлина. Как только я узнал, что появилась такая школа, сразу отправился в путь. Это напутствие Четверым Основателям от Великого Мерлина.

Дамы заахали, мужчины приосанились. Леди Ровена развернула свиток, отметив подозрительно знакомое заклятие запечатывания: таким пользовались в ее семье. Неужели... неужели она — потомок самого Мерлина?!

*«Господин Салазар, простите меня за змею!— начиналось письмо. Слизерин подавился воздухом и раскашлялся. Он был не единственным, кто едва пережил шок открытия. — Не ругайте Юла, он не при чем! Я поселился в лесу, пришлось объяснять местным, что я родился позже, чем, видимо, умру. И живу против течения времени. Они ничего не поняли. Зато я сказал им, что обучался на Слизерине, был старостой факультета, и меня теперь считают великим магом. Честное слово, я не варю зелья и не позорю Ваше имя. И часто благодарю за науку господина Гриффиндора. Выломал себе посох и бью им по голове самых тупых. Пользуюсь посохом куда чаще, чем волшебной палочкой. Вспоминаю жену и детей. Очень прошу, позаботьтесь о них!
Ваш Мерлин Длинножоп».*

Дункан, решивший, что письмо было сложным образом изложено так, чтобы непосвященный ничего не понял, с интересом оглядывал людей, застывших в молчании.

— Эм. Ну, хоть понятно, почему потомки не сохранили фамилию Мерлина в веках, — попыталась скрыть смех за кашлем Хельга.

— Чтобы я еще поверил этим идиотским легендам о чьем-то, кроме моего, величии?!
— бушевал Салазар.

Леди Ровена что-то быстро записывала на листе бумаги.

— Ладно, — повернулся Годрик к сестре. — Будет тебе должность при школе. Станешь рассказывать баллады и прочую чушь воспитанникам. А то этот дурень, кажется мне, так и не понял, что именно он тот самый Мерлин и есть!

Примечание к части

* кеннинг - поэтическое описание, разновидность метафоры в скальдической поэзии.

Големы и упыри

— Эй, Ланселот! Ланселот!

— Я? Я тут! Я бегу! — к Салазару и Хельге кинулся подросток невысокого роста, уморительно нескладный и недотепистый. Упал, поднялся, поднырнул под руку проходившего мимо рабочего, запнулся о собственные ноги и подбежал, счастливо улыбаясь щербатым ртом. — Я тут!

— Ланселот? Серьезно? — переспросила Хельга, вглядываясь в мальчика. — Ты из новеньких?

— Да, леди! Я Квентин Кэдоган! Сын мельника. Я обязательно стану рыцарем! Выучусь в школе и стану!

— Но... Почему тогда *Ланселот*?

— А что? — фыркнул Салазар. — Если уж Длинножоп смог, то и этот сможет. Они просто близнецы-братья, ручаюсь. Зато с твоим Юлом сдружились. Я доволен. Может, Юл меньше станет старика слушать. Не нравится мне этот маггл. Он магию не любит.

— Ну что ты говоришь? Что значит — «маггл не нравится»?

— То и значит! Ланселот, теперь беги обратно и скажи гриффиндуркам, что они втыкают саженцы не той стороной. Понял? Вперед!

— Да, господин!

— И когда тебе надоест издеваться над юношами?

— Лебедь моя, вот когда ты решишь выслушать одну вису...

— Бедные мальчики, — вздохнула Хельга вроде бы шутливо и поспешила уйти. Ей очень захотелось сделать Квентину что-то приятное. Может, уговорить Годрика подарить смешному рыцарю ирландского пони? В смысле — хобби? А что, и по росту, и вполне по-рыцарски. Кто скажет, что Гриффиндор недостаточно суров и мужественен?!

Келену было очень трудно в Хогвартсе. Пожалуй, его бы понял Мерлин (пока был в замке). Но и тогда Мерлин оставался воспитанником Слизерина, а Келен отторгал все, что так или иначе связано со Змеиным Языком. Так что никто не мог понять Келена Уизли.

До школы он был не просто мальчишкой. Глава клана. Он отдавал приказы и нанимал взрослых воинов-наемников. Он руководил, он почувствовал себя ответственным и обязанным. Первым. Он сидел во главе стола и получал первые куски... Когда его

впервые высекли за провинность, как какого-то щенка сопливого, навроде Бодрика, это было... это было унижительно. Стыдно, больно и нечестно. Он — взрослый! Он глава клана! Он не может отвечать на вопросы наравне с малышней!

В день наказания Келен спрятался ото всех. Залез на чердак к воющему упырю-голему и прорыдал там весь день. И нашел убежище очень удобным. За воплями и стонами голема тихий плач главы клана Уизли точно никто не слышал. Не хватало еще.

А плакать приходилось довольно. По сравнению с Лавгудами, он казался сам себе невероятно тупым. По сравнению с кернами Гриффиндора — слабым и беззащитным. Они видели кровь, воевали в настоящих сражениях, а не как он — крутившийся по кругу, отражая нападения соседей, похожие не на волны битв, а на комариные укусы. Или, скорее, на нападения волчьей стаи на овечью отару. Выпад, выпад! И овечек все меньше, а хищник, взвалив очередную добычу на плечи, уже убегает в лес. По сравнению с Юлом, Келен казался себе завистливым и корыстным уродом. Только слизеринцев можно было ненавидеть, зная, что те ни в уме, ни в воинской выучке не превосходят. Но зато слизеринцы были богатыми. И на фоне их расшитых одеяний его дедовский плащ смотрелся тускло и убого.

Первым быть нелегко. Главой клана быть страшно. Страшно осознавать ответственность за всех и каждого. Но куда труднее оказалось спуститься с помоста, вновь встать вровень с мальчишками. Участвовать в их простеньких играх. Получать наказания и воспитательные тумачи.

И Келен чувствовал себя посредине мира. Он не мог приказывать, но и подчиняться, молча терпеть уже не особо получалось.

Хозяева замка только чему-то улыбались и назначали наказания.

Надо сказать, розги применяли редко. Леди Ровена велела помогать с нуднейшими отчетами по замку и ленным деревенькам, вождь-разбойник Гриффиндор заставлял заучивать трансфигурационные чары, управлять людьми, занятыми на ремонте стен, тренироваться с самыми сильными, заведомо непобедимыми воинами. Леди Хельга отправляла к зануде-старика, который трепал языком о своей вере. Это было невыносимо, но приходилось молчать, терпеть и кивать.

В своем доме он никогда не слушал зануд. Сразу приговаривал либо к розгам, либо мог приказать умертвить, если это был бы захожий, ненужный, опасный человек. Но приказа о смерти (до визита Слизерина) отдать так и не пришлось. Теперь, отведав розог не от руки добрых наставников, побаивающихся строго карать наследника клана, Келен думал, что и к счастью не успел отдать страшного, непоправимого приказа.

Отдушиной стало появление в замке Дункана МакЛагена. Непробиваемый, невозмутимый шотландец не желал знать о том, что кто-то хочет сидеть по углам, дуясь на весь свет. Он быстро подружился и со слизеринцами, и с хаффлпаффцами, и с Келеном. Звал на охоту, на рыбалку, на состязание по бросанию камней, уговаривал поиграть в креотценн*.

Но ловить камни собственной головой отказывался даже тугодум Кребб.

Полетать на метлах, однако, хотелось.

С другой стороны, он, Келен, все еще глава клана Уизли. И мальчишеские забавы ему не подобают (ну, это он тогда так думал).

Немного поразмыслив, Келен нашел выход. На метлах они летали к болоту Квирдитч и играли там, сначала просто перебрасывая друг другу тяжелый кожаный мяч. Но потом, препираясь и отстаивая свое мнение, строя схемы и планы, они все сильнее усложняли игру, правила менялись, Дункан сумел-таки протащить свои дурацкие валуны. Все шотландцы — без мозгов! (Еще бы! С такими играми!) Только теперь валуны не падали с неба, а были зачарованы гоняться за игроками. Жутко интересно оказалось!

Снизу за ними периодически наблюдали ведьмы. Келен не знал, что их привлекает больше — азарт игры или килт МакЛагена?

Ведьмы были старые (лет по тридцать) и злые. Гойлу, случайно закинувшему мяч на капустную грядку, одна из ведьм заколдовала колени так, что ноги стали гнуться в обратном направлении. И на метле он, получалось, сидел коленями назад. В принципе, играть им это не помешало. А вечером Хельга все вернула, как было. Хоть и ругалась, что сразу не пришли.

На следующий день они полетели играть, несмотря на сильный ветер. Назло старухам.

Набрали мячей побольше и метили специально в кочаны покрупнее, а обратно призывали мячи манящими чарами, уворачиваясь от проклятий с болота. Игра получилась не совсем та, но тоже вполне интересная. Впрочем, скоро они вернулись к прежним правилам, когда кожаный мяч было необходимо закинуть в древесные воротца, уворачиваясь от летающих бездельников*.

Жизнь налаживалась. Келен больше не чувствовал себя маленьким беспомощным чужаком в огромном замке.

А на занятиях Уизли увлекся оживлением неживого. Они с лордом Гриффиндором и Гринхуком-кузнецом создавали доспехи и наделяли их псевдожизнью, умением распознавать опасность и защищать замок по слову владельца.

Получилось, что лучших сторожей придумал Годрик. И была это трансфигурация — простейшая анимация каменных горгулий и пустых, громыхающих доспехов — ничего особенного.

— О, ну наконец-то ты наколдовал что-то, что молчит, — разумеется, подметил Змеиный Язык. Чтобы он да смолчал? Скорее небо упадет на землю, чем Слизерин откажется высказать всю правду сопернику в лицо.

— Это скорее Уизли придумал, — предпочел не заметить подковырки приятеля Годрик.
— Парень — просто талант. Он и с упырем на чердаке подружился. Ровенин дух,

пожалуй что, будет скучать, когда Келен отправится домой.

— Не заскучает. Тут и так многовато Уизли останется.

Розита иногда возвращалась в свои покои под утро, сияя улыбкой, как ясное рассветное солнышко. Возвращалась она из дамской комнаты, так что никто и не думал обвинять девицу в неподобающем поведении.

Во всяком случае, в первое время. А вот потом святой отец задумался — что может девица так долго делать в уборной? Уж нет ли тут какой ереси и богомерзкого колдовства, с которым он боролся по мере сил, но все отчетливее чувствовал, что проигрывает бой?

Чаще и чаще он думал о братьях-экзорцистах и о святой обители, в которой проводили дознание и очищали души грешников огнем. Но потом вспоминал доброе к себе отношение владетельницы замка и леди Хельги и прятал написанное уже письмо обратно в шкатулку с документами.

Но о нравственности обитателей и о спасении их душ он радел, не переставая, почти не оставляя себе времени на сон и отдых. Обследовал закутки, выискивал беспутников-кернов с дамами и читал им проповедь, пока не просветлеют и не опомнятся, отвратясь от блуда. Думал даже завести себе кошечку, но не решился. Если уж Годрик льва в циркусе выкупать не стал, то где тут кошечке обычной выжить?!

И все же, забота о чести Розиты Гриффиндор тревожила его все сильнее. Ведь явно происходило что-то странное.

Открыв же тайну, священник поспешил к брату неразумной девицы:

— А я стучал, сын мой! А мне никто не ответил. Вознеся молитву громко и троекратно, но также не услышав ответа, я зашел. А там и нет никого! А посещает она комнату дамскую часто.

На третье утро после этого разговора Годрик и Салазар были очень недовольны друг другом.

А Розита была недовольна старикашкой, сующим свой нос в чужие вопросы.

В дамской комнате за искусным умывальничком, скрытый чарами и паролем, оказался спуск в подвалы замка. Прямоком в палаты Слизерина. Салазар устроил этот тайный проход специально для свиданий с Розитой. «Ах, как романтично!»

Что может быть страшнее обиженной женщины?

Через месяц старый священник, поджав губы, собирал вещи.

Да он, в принципе, давно собирался уйти! Вся эта магия, доспехи живые, горгульи, святой воды не боящиеся, блудливые керны... Ну и оставайтесь тут, во веки веков!

Обернувшись на тропинке к деревне, старик благословил школу и побрел прочь.

От замка за ним бежал Юл с котомкой и сапогами на палке, перекинутой через плечо. Юл — хороший мальчик. И станет добрым монахом. Единственный у него грех — чревоугодие. Вон какой тучный!

Вскоре после того, как Юл сбежал вслед за стариком, в школе отпраздновали первый выпуск воспитанников.

Уходил Келен, собирался домой Тревор*, братья Лавгуды с того дня зачислялись учителями и только (а то не солидно).

Уже дома, несколько лет спустя, над колыбелью сына, Келен Уизли, восстановивший могущество и достаток клана, поймет, сколь много дало ему обучение в Хогвартсе. И завещает всей родне по крови и всем вассалам отдавать своих детей в обучение в Хогвартс и только в Хогвартс.

Да и без его заветов окружающие смотрели на успехи выпускников школы и делали выводы. Уже не только Креббы и Гойлы отвозили отроков в наставничество к четверке молодых магов.

Голем с чердака действительно загрустил. Он выл все проникновенней, к огромному неудовольствию обитателей замка, которых и так вгоняла в тоску скверная погода. И вдруг в один из вечеров воя не послышалось. Дух упрыгал к Уизли. У малыша Келена наверняка найдется чердак. Или хоть каморочка под крышей свинарника.

Без Юла и старика в школе чувствовалась пустота. Чего-то словно бы не хватало. Что-то ушло безвозвратно.

Каждый пытался заполнить эту пустоту, как мог.

Годрик увлекся придуманной Келеном и МакЛагеном игрой в мячики на метлах и пропадал на болотах. Ровена слышала поговорку «свою голову не приставишь» и работала над сапфировой диадемой, мрачно ухмыляясь. Хельга пропадала в священной роще. Возвращалась грустная. Она тосковала по Юлу больше всех. Любила она мальчишку наравне со своим сыном. И переживала за него, как за родного.

А Салазар решил стать скульптором. К неудовольствию своих воспитанников, долотом он предпочитал работать ночами.

Тук-тук, тук-тук-тук, ТУК-ТУК!

Бабах!

Он долго никому не показывал результаты своего труда. Даже Розита не видела ни одной скульптуры.

И вот наконец скальд позвал друзей, расставив работы причудливыми группками.

Гости онемели, не зная, что и сказать. Особое внимание привлекала статуя-автопортрет. О ней и решилась заговорить леди Рейвенкло.

— Изумительно вписана в пространство, — взгляд Ровены скользил по залу, старательно огибая Салазаровы «шедевры», больше похожие на обгрызенные куски камня.

— Прекрасный выбор материала! Отменный мрамор! Отец бы тобой гордился! — кивала головой Хельга, отчаянно краснея. Врать она не привыкла, а недоговаривать — это почти что вранье.

— Твой или мой? — хмыкнул Слизерин.

— Оба. Но твой больше.

— Хм, — Салазар огладил бородку.

— А чего? Отличный памятник! — придумал наконец комплимент Годрик. — Прямо ты. Одно лицо.

Ну... все равно Годрик давно хотел с кем-нибудь подраться.

Драться в помещении Хельга не разрешала, так что на площадку у озера все переместились, не задумываясь. Мужчины — подраться. Женщины — приглядеть и подлечить бойцов.

У озера оказалась и Розита, зачитывающая школьникам «Похищение быка из Куальнге» — центральную сагу в сказаниях о Кухулине. Подростки оживились. Одно дело о битвах слушать, другое дело...

Внезапно раздался хлопок, и между изготовившими палочки магами выпал... выпало... что-то красное и покореженное. Пахнущее горелым мясом, кровью, ужасом...

— Юл! — захлебнулась криком Хельга, падая на колени перед мальчишкой. Руки лекарки уже порхали, выколдовывая поддерживающие, заживляющие, обезболивающие...

— Юл... — обомлела Розита.

— Юл? — в ужасе застыли ученики.

Годрик и Салазар уже проверяли местность, разыскивая врагов. Ровена активировала щиты и големов-защитников.

— Убили... святого отца... За что? Я же не сопротивлялся! Мы же... Братья! Дети! Надо спасти детей! Дети мне доверились! Люди! Я не мог! Я же помогал! Я лечил! Убили! Дети! Спасал... — это был предсмертный бред. Всем было очевидно, что мальчишка умирал. Заклятьями не поможешь. Волшебство не всесильно.

Хельга не сдавалась, а Розита Гриффиндор по следу аппарации кинулась туда, где «святой отец и дети». Спасти и защитить. Попытаться исправить то, что сама же и натворила, выжив старика из замка.

Годрик и Салазар не успели считанные секунды. Годрик убил наемника, повторно замахнувшегося мечом, а Салазар подхватил на руки оседающую на пол уже мертвую невесту.

Раздался новый хлопок — Ровена привела кернов и «боевых дам» на подмогу. Прибывшие неверяще смотрели на мертвую Розиту. Свадебное платье было уже готово, девичий портрет заказан («Пусть правнуки увидят меня красавицей», — кокетничала она с магом-живописцем), она была такой чудесно живой и наивной...

— Нас окружают, — заметил Гай.

— На стенах лучники, я ими займусь, — ровным, ничего не выражающим голосом произнесла леди Ровена.

— Бран, Киф, стойте с леди, — Гриффиндор сжал зубы. Он воин. Он привык горевать потом. После битвы. Пока же они раскатают эту «обитель» по камешку.

— Магглы, — словно сам себе не веря сказал Салазар. — Магглы.

И закричал. Страшно, без слов, а потом, бережно опустив Розиту на наколдованный хрустальный помост, аппарировал в гущу врагов.

От обители монахов-экзорцистов не осталось следа. Не только людей, но и сами стены маги уничтожали, словно злейших врагов.

Примечание к части

креотценн* (он же "крекьяун") - шотландская игра по типу "догони меня кирпич". Привязывали на голову котел, подвешивали в воздух валуны, а потом отменяли заклятие, удерживающее валуны в воздухе. Кто поймает больше камней котлом и выживет, тот и победил (игру придумала Роулинг).

Bludger - англ. - бездельник

! если вдруг вы не читали, советуем обратить внимание на поттервикки. А именно:

- биография сэра Кэдогана;
- квиддич, записки ведьмы Герти Кеддл, жившей на краю болота Квирдитч в XI веке.

***старший из учеников рода Гойл, если кто забыл.

Эпилог

Похороны были тяжелыми. Надрывно рыдали дамы, страшно молчали Годрик и Салазар, рвались всем отомстить школьники-подростки. А на третий день в замке возник призрак Юла. Толстый монах в рясе, подпоясанной веревочкой. На макушке выбрита тонзура. Он пришел к убитой горем Хельге и принялся утешать ее, что нехорошо так убиваться по умершему, не по-божески. Надо простить всех, смириться и идти дальше, чтобы гнев и горе не застали жизненного пути. А он сам виноват — не подумал, не догадался, наверное, как-то неправильно себя повел.

В деревне случился мор, а он пришел и всех вылечил. И конечно же, крестьяне подумали, что это он и наслал поветрие. А как же еще? Люди просто были напуганы и растеряны. И братья чего-то недопоняли. Ему бы надо потолковее все объяснить, а он не справился. Сам и виноват. Жалко, что он так и не стал кардиналом. Он бы тогда сумел объяснить, что колдовство — дар Божий. А так, его просто не стали слушать. Только святой отец кинулся загородить собой. Так и умер. И вот это действительно горе.

Хельга молча плакала, не утирая слез. В этом был весь Юл — во всем и всегда винил себя и выгораживал прочих.

Юл очень опечалился, узнав про Розиту. Летал к ее портрету, просил прощения. Розита плакала нарисованными слезами, но несколько напоказ. Жаль было, конечно, и своей жизни, и свадебного платья... Но все получилось, как в балладе. Жених подхватил ее на руки, оплакал горе, написал вису, разнес обитель ее убийц. И до сих пор рыдает. Все печально, даже трагично. И прекрасно. Портрету нравилось.

Так уж получилось, что Юл и Розита приняли случившееся проще, чем живые обитатели замка.

Призрак и портрет как могли утешали друзей. И вышло, что сороковой день Юл прозевал, так и остался в замке духом-утешителем.

Леди Ровена понимала, как только кардиналы узнают, что ее духовник преставился, тут же вышлют нового пастыря. Но на такие визиты, объяснения, споры с Годриком и Салазаром не было сил.

Прикинув реакцию обитателей замка на визит нового духовника, Рейвенкло взялась за расчеты чар, способных укрыть Хогвартс от магглов. Желательно, чтобы случайный путник или даже гость, которого маг за руку проведет внутрь, видел вместо стен руины, поросшие травой.

Салазар тоже занялся обороной от магглов. Завел василиска. Ну, представляете себе, как были рады прочие обитатели замка, да?

Поселили Салазарова питомца в подземелья, где стояли статуи — все равно туда никто

не ходил. Теперь, правда, зачастили.

То Ровена, в попытках постигнуть чуждый человеку склад ума. То гриффиндорцы — посмотреть на змеюку, да отковырнуть пару чешуек. Змей учеников не трогал — хозяин запретил убивать. Зато сам Слизерин рычал, плевался ядом и был готов кусаться, но после флакона успокаивающей настойки соглашался с Хельгой, что гриффиндорцы не могут не залезть к василиску. Просто не могут. И зачарованные двери им не помеха — воспитали на свою голову.

Уходом за змеем занимались гомункулюсы Салазара, которых постепенно приручала Хельга, все чаще привлекая к хозяйственным хлопотам. Суеверные крестьянские дети прозвали тварюшек «домовыми эльфами». Основатели понять не могли, какое отношение к брауни или ши дани имеют лупоглазые, ушастые коротышки, но смирились. «Домовики» всяко лучше звучит, чем «гомункулюсы».

В школе прошел еще один выпуск — уехал средний Уизли, остался только младший. Но жаловаться на пустые коридоры не приходилось. Все как с ума посходили. Наставники искали должности в школе, соглашаясь на совсем скромные условия. Витаны везли своих детей непрерывной вереницей...

Салазар почувствовал, что безумно устал от всего этого. И вообще, засиделся на одном месте.

Скальд должен жить в дороге. Ученый должен общаться с другими учеными.

Его не держали. Характер Змеиного Языка знали все. И все понимали, что он действительно засиделся на одном месте.

А еще знали, что рано или поздно дорога вновь выведет Салазара к их порогу.

Он махнул друзьям рукой и решительно шагнул за ворота замка, готовясь аппарировать. Провожать смысла не было.

— Эх, и поругаться теперь не с кем! — вздохнул Годрик, подшагивая к Хельге.

— А если зеркала попробовать зачаровать?.. — леди Ровена опять ушла в себя. Ее дочь перемигивалась с одним из баронетов свиты, думать не думая, что дядя Салазар может пропустить ее день рождения.

Слизерин огляделся. Замок успел стать для него настоящим домом. Позже летописцы напишут, что он прощался с Хогвартсом навсегда. Не верьте. Он вернется через два месяца. А за это время подыщет хороший подарок для дочери Ровены.

Леди Рейвенкло зачаровала любовнику многоцветный портал до замка. В ее покои.

Не то чтобы он собирался часто им пользоваться, но и пренебречь никогда бы и не подумал.

К замку бежала белая коровка. За ней скакали Малфои. Везли своих отпрысков в школу.

Поспорили с Годриком на коровку, что их наследники не поступят на факультет Слизерина. Годрик всегда был хитрецом!

Салазар поспешил аппарировать прочь, пока его не заметили.

Свивался в кольца василиск в подземельях. Без хозяина вдруг стало пусто и холодно.

Когда холодно, не нужно греться. Нужно спать. Чтобы проснуться, когда потеплеет.